

Дмитрий Ластов

ВЫСТАВКА, или БИЕННАЛЕ НА ПЕРЛОВСКОЙ

(примечательная история в одиннадцати частях)

Действующие лица:

МИТЯ — эффектный молодой человек около тридцати.

МАМА ТАНЯ — мать Мити, за пятьдесят.

МАРИНА — девушка двадцати пяти лет.

КАТЯ — сестра Мити, за тридцать.

ДЯДЯ МИША — сожитель Мамы Тани, за пятьдесят.

ЛЁША — большая любовь Кати, мужчина неопределённого возраста.

БАБА ИРА — бабушка, но непонятно, чья, и непонятно, почему.

ГАРИК — бизнесмен, за пятьдесят лет.

ОЛЬГА — жена Гарика, экзальтированная мадам неопределённого возраста.

ХАРЬКОВА — миллионерша, жена депутата, не знающая, чем заняться.

БРАТЬЯ КРАСИНЫ — двое мажоров нетрадиционной ориентации.

СЛУЖАЩИЕ КЛИНИНГОВОЙ КОМПАНИИ

ПОРЧАК — областной министр культуры, раньше занимавшийся коммунальным хозяйством.

Эта история придумана. Любые упоминания имён и фамилий случайны и не имеют к реальным людям и событиям никакого отношения.

КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ АВТОРА

sovetika@mail.ru

lastov.ru

(в. 18)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Утро. Светло. Большая веранда старого дачного дома. Дверь в дом открыта — в доме темно. На веранде стоят большой стол, буфет, стулья и много ненужных, старых вещей и коробок. В окна веранды видна буйная зелень заросшего участка, забор, фонари и вдали другие частные дома. Стеклянная дверь на участок с веранды. За столом сидит Мама Таня в ночной рубашке и читает письмо. Прочитав письмо, откладывает его. Берёт колоду карт Таро и вынимает карты по одной. Качает головой, что-то нащёптывает и периодически громко говорит отдельные фразы.

МАМА ТАНЯ. Карта дьявола. Левые деньги – хорошо! А эта? Семёрка пентаклей. Ничего не пойму. Здесь появятся деньги, а тут проблемы с деньгами - одновременно. Так, а эта? Колесо фортуны. А эта карта!?! (Достаёт ещё одну.) Старший аркан. Точно, переезд. Не избежим переезда!

Входит Дядя Миша.

ДЯДЯ МИША. Танюха!

Мама Таня молчит и не реагирует.

ДЯДЯ МИША. Ты чего!?! Ты себе раскладываешь? Таро!?! Никогда не видел.

ТАНЯ. Да так. Думаю.

Мама Таня протягивает Дяде Мише письмо.

ДЯДЯ МИША. Что это?

МАМА ТАНЯ. Читай.

ДЯДЯ МИША. Я не люблю читать. Скажи!

МАМА ТАНЯ. Не знаю.

ДЯДЯ МИША. Что не знаешь?

МАМА ТАНЯ. Как быть, не знаю.

ДЯДЯ МИША. В каком смысле!?! Дай сюда! (Выхватывает письмо.)

Дядя Миша берёт письмо и сам пытается читать.

ДЯДЯ МИША. Не понимаю. И что тут?

МАМА ТАНЯ. Они возвращаются.

ДЯДЯ МИША. Кто?

МАМА ТАНЯ. Хозяева.

ДЯДЯ МИША. Хозяева чего!?!

МАМА ТАНЯ. Какой ты тупой!

ДЯДЯ МИША. Да ладно.

МАМА ТАНЯ. Дома этого, дачи этой.

ДЯДЯ МИША. Ну да!?!

МАМА ТАНЯ. Возвращаются!

ДЯДЯ МИША. Когда?

МАМА ТАНЯ. На следующей неделе.

ДЯДЯ МИША. А как ты поняла-то? Я вообще из письма ничего не понял.

Мама Таня отбирает письмо у Дяди Миши и читает его.

МАМА ТАНЯ. Со всем почтением. Ну, это не надо. Так, это тоже. Вот: как мы и договаривались, сообщаю, что четырнадцатого сентября, т.е. во вторник, понимаешь?

ДЯДЯ МИША. Они так пишут там: «понимаешь»?

МАМА ТАНЯ. Дурак, это я говорю: «понимаешь». Они пишут: к вашему приезду, четырнадцатого сентября мы сделаем полный клининг вашего дома.

ДЯДЯ МИША. Что? Это что за извращенцы!?

МАМА ТАНЯ. Уборку. Клининг - уборка. Языки учи.

ДЯДЯ МИША. Ну и что?

МАМА ТАНЯ. Тупой! Это значит, что нам придётся делать ноги с этого нагретого, уютного местечка, в которое я уже вложила столько сил и любви!

ДЯДЯ МИША. Ну да!?

МАМА ТАНЯ. Значит, что со дня на день сюда зайвится эта компания с этой уборкой, а потом и сами хозяева.

ДЯДЯ МИША. Подожди, а почему эта компания прислала сюда письмо, раз они знают, что хозяева этой дачи здесь не живут и обитают там, где-то за границей?

МАМА ТАНЯ. Понятия не имею.

ДЯДЯ МИША. Странно тогда.

МАМА ТАНЯ. Может, ошиблись. Секретарша посмотрела не туда и послала сюда. И то хорошо, а то нагрянули бы неожиданно. Как там написано - во вторник?

ДЯДЯ МИША. А сегодня четверг.

МАМА ТАНЯ. А сегодня четверг, и наш Митя уже третий день где-то пропадает. От Кати с её Лёшей проку ноль - одни убытки. Баба Ира - не помощница. Да и ты...

ДЯДЯ МИША. А что я?

МАМА ТАНЯ. Где нам жить!?

ДЯДЯ МИША. Ну, найдём. Как всегда.

МАМА ТАНЯ. Как всегда, как всегда...

Мама Таня берёт сотовый телефон и звонит.

ДЯДЯ МИША. Ты кому?

МАМА ТАНЯ. Кому!?! Мите! Я всё утро ему звоню. Не берёт. Не берёт! Вот! Вот сын!

ДЯДЯ МИША. Ну занят он.

МАМА ТАНЯ. Занят! Занят! И денег у нас нет!

ДЯДЯ МИША. У меня тут есть немного.

МАМА ТАНЯ. Это ты что вчера недодал?

ДЯДЯ МИША. Ну, на карманные расходы. Ну, Тань.

МАМА ТАНЯ. Мишка, ты Мишка. Да твоих денег не хватит всё равно. Здесь так удобно! И название мне нравится — Перловская.

ДЯДЯ МИША. А мне не нравится - как каша.

МАМА ТАНЯ. Станция рядом - минут двадцать. Москва через дорогу. Мытищи под боком. Просто идеальное место. И чего людям не сидится.

ДЯДЯ МИША. Ты о ком?

МАМА ТАНЯ. О хозяевах. Ну сидели бы там, где они сидели, - на югах да за границах.

Простому, понимаешь, простому народу уже продыха нет. Вот только устроились, только быт наладили, только нашли это хорошее место. Только соседям всем втёрли, что надо. И что!?

Опять ищи, опять смотри! Ну не на вокзале же нам всем жить!?

ДЯДЯ МИША. Ну, найдём что-то.

МАМА ТАНЯ. А помнишь, как года три назад мы все вместе под Питером жили.

ДЯДЯ МИША. Ну да.

МАМА ТАНЯ. Всю зиму!

ДЯДЯ МИША. Там природа хорошая и публика приличная.

МАМА ТАНЯ. Культурная столица.

ДЯДЯ МИША. Иностранцев много, они мне много давали — евро, доллары, кроны и эти, как их там?

МАМА ТАНЯ. Фунты.

ДЯДЯ МИША. Ну да. И до работы мне было недалеко. Утром проснёшься, позавтракаешь - и всего минут двадцать до Петергофа. А они-то там, знаешь, нас уважают. Только форму наденешь с медалями, в коляску сядешь - и кидают, кидают. Тань, а давай туда поедем.

МАМА ТАНЯ. В Питер!?

ДЯДЯ МИША. Ну да. Найдём местечко у Петергофа - зима скоро. Я там буду попрошайничать, ты - мошенничать. Иностранцев полно – заживём!

МАМА ТАНЯ. Не хочу.

ДЯДЯ МИША. Почему?

МАМА ТАНЯ. Климат.

ДЯДЯ МИША. А что тебе климат?

МАМА ТАНЯ. Мрачно.

ДЯДЯ МИША. А тут не мрачно?

МАМА ТАНЯ. Мне нравится. Смотри, я думала, она ещё спит.

К веранде с улицы приближается Баба Ира с тележкой.

МАМА ТАНЯ. Иди - помоги.

Дядя Миша выскакивает и помогает занести в дом тележку бабушки.

БАБА ИРА. Я уже с утра. Удачно, удачно. С утра уже.

МАМА ТАНЯ. Бабушка!

БАБА ИРА. Ну что? Голубей тут на участке развелось! Кто-то кормит их что ли? Может, Катька?

МАМА ТАНЯ. Ну, я же просила! Какие голуби!? Просила! Ну не надо было! Зачем, бабушка!

БАБА ИРА. Заладила. Смотри Мишка, заладила. А если бы не я - поумирали бы тут с голодухи. Помогайте!

Баба Ира растёгивает сумку и достаёт продукты.

МАМА ТАНЯ. Ну, я же просила. А если бы, как в прошлый раз. А если бы...

БАБА ИРА. Заладила, заладила! Сплюнь! Тогда давление было, руки тряслись.

МАМА ТАНЯ. Бабушка!

БАБА ИРА. Вот, ты Танька близко всё к сердцу принимаешь. Меньше тебе твоим гаданием надо заниматься! Всякое бывает. На тебе йоги-йоги твои, или как ты там их зовёшь?

МАМА ТАНЯ. Йогурты.

БАБА ИРА. Ну... шоколадки, хлеб, булочки, печенюшки, макаронки и тебе, Мишаня, носочки и трусишки. Радуйся.

ДЯДЯ МИША. Спасибо.

БАБА ИРА. А тебе, смотри, фартучек стырила. Красивый! Доставайте, там молоко ещё, ряженка... Устала я.

МАМА ТАНЯ. Бабушка, ну а если бы поймали?

БАБА ИРА. Перестань. Даже думать не хочу!

МАМА ТАНЯ. И пришлось бы опять идти и тебя вытаскивать.

БАБА ИРА. Почему все о плохом сразу думают!

МАМА ТАНЯ. А если бы нас всех из-за тебя посадили!?

БАБА ИРА. А ты хочешь сказать, Танька, что у тебя деньги есть в магазин ходить!?! У меня метод! Я ещё при Ильиче в магазине не расплачивалась.

ДЯДЯ МИША. При Ленине?!

БАБА ИРА. Остряк.

МАМА ТАНЯ. При Брежнев.

БАБА ИРА. И не собираюсь это делать. Нашли дураков! Они цены там рисуют, а где я им деньги найду!?

ДЯДЯ МИША. Я всё равно не понимаю, как это вы так много крадёте, то есть берёте и не попадаетесь?

БАБА ИРА. Метод надо знать! Когда много лет учишься! Это надо уметь! Это талант! Талант!

ДЯДЯ МИША. Всё равно, не понимаю. Я вот пытался - не получилось.

МАМА ТАНЯ. И не пробуй. Мне того раза хватило!

БАБА ИРА. У тебя руки не те.

ДЯДЯ МИША. Как не те?

БАБА ИРА. Косточки не разработаны. А самое главное, взгляд у тебя не тот.

ДЯДЯ МИША. Ещё и взгляд?

МАМА ТАНЯ. Да, Миша, ты нервничаешь слишком.

ДЯДЯ МИША. Я?

БАБА ИРА. А это нельзя.

ДЯДЯ МИША. Нервничаю!?! Никогда не нервничаю.

БАБА ИРА. Ещё как! Я же вижу. Я всегда иду за продуктами, и я знаю, что ничего плохого я не делаю. А чего я делаю плохого!?! Ну, беру в магазине продукты, ну и что!?! А кто сказал, что за них платить надо? А как мне всех прокормить? Мне пенсию не платят, вот! Я иду за социальной справедливостью, и глаза у меня не бегают, и я не боюсь.

МАМА ТАНЯ. Не боишься, ну да....

ДЯДЯ МИША. А если схватят?

БАБА ИРА. Ну и пусть хватают. Им же хуже будет. Первая отмазка — память плохая, слабоумную буду разыгрывать. Сразу проходит. Небольшой спектакль - и всё. Правда, от большей части взятого придётся отказаться.

ДЯДЯ МИША. А если не пройдет?

БАБА ИРА. Есть и другие. Вот смотри, конфетки. Дорогущие. Стоят много, а так себе. Но я взяла.

МАМА ТАНЯ. А чего взяла?

БАБА ИРА. Назло.

ДЯДЯ МИША. Так какие ещё отмазки?

БАБА ИРА. Что сын сейчас придёт и оплатит. В машине сидит. Ну, или дочь, или внук. Это хорошо работает. Но это, когда время есть.

ДЯДЯ МИША. А время зачем?

БАБА ИРА. Чтобы охранник ушёл пописать, и кассирша сменилась.

ДЯДЯ МИША. Ну ясно.

БАБА ИРА. Но это всё так. Самое лучшее — это жалость. Порасскажешь про себя - все жалеют. Сами готовы всё отдать. Самое главное — это психология! Психология — людей надо знать. Одному поплакать, на другого наорать. И всё! Они сами готовы всё отдать и от тебя побыстрее отделаться. Только это, надо в магазины разные ходить. А тут недавно было, набрала я товары - и попалась.

МАМА ТАНЯ. Ну, бабушка!

БАБА ИРА. Да ладно. Ну попалась. Работа такая. И стоит такой, смотрит на меня, продукты вынимает, там, что-то ему отвечаю. А он говорит: бабуля, вы хоть на цены смотрите?. А я ему честно: нет, не смотрю, давно не смотрю. А я честно. А что врать?

ДЯДЯ МИША. Ну и чем кончилось?

БАБА ИРА. Ну, разжалобила его. Ушла. В другой магазин пошла. А сегодня я в Москву ездила.

МАМА ТАНЯ. Бабушка!

БАБА ИРА. Ну а что!? У меня метод. В том магазине я не была. Вон сколько продуктов привезла. А что, я смотрю, какая-то ты, Танька, нервная сегодня.

ДЯДЯ МИША. Хозяева скоро приезжают.

БАБА ИРА. Сюда!?

МАМА ТАНЯ. Нет, в соседний дом!

ДЯДЯ МИША. Во вторник уже будут.

БАБА ИРА. Что!? Я никуда отсюда не поеду, мне нравится моя комната. Нет!

МАМА ТАНЯ. Перестань.

БАБА ИРА. Опять найдёте где-нибудь за сто километров. И как мне там жить? Нет, я согласна только на Москву, и лучше поближе к центру. Там выбор лучше, продукты лучше. Я устала ходить уже по этим низкосортным окраинным магазинам!

МАМА ТАНЯ. Ты смотри! Ты что графиню из себя тут строишь!

БАБА ИРА. У меня не тот возраст!

МАМА ТАНЯ. Вспомнила! Где я тебе найду центр Москвы! У нас денег нет! Митя где-то гуляет. Катька с Лёшкой дрыхнут. Надо будет — поедем и за сто километров и будем жить на какой-нибудь даче, поняла!?

БАБА ИРА. Нет!

МАМА ТАНЯ. А что, у тебя есть другие предложения?

БАБА ИРА. А почему мы не можем остаться здесь?

ДЯДЯ МИША. Хозяева приедут.

БАБА ИРА. Это я слышала. А карты твои что говорят? *(Показывает на карты Таро.)*

ДЯДЯ МИША. А ты им веришь?

БАБА ИРА. Если они что хорошее говорят — поверю.

ДЯДЯ МИША. А плохое?

БАБА ИРА. А в плохое я не верю. Так что карты?

МАМА ТАНЯ. Переезд.

БАБА ИРА. Не верю. Плохие карты.

МАМА ТАНЯ. И деньги появятся.

БАБА ИРА. Вот! Я же говорю! В это верю!

МАМА ТАНЯ. И пропадут деньги.

БАБА ИРА. Вот неправильно ты всё говоришь.

МАМА ТАНЯ. На, читай! *(Протягивает письмо Бабе Ире.)*

БАБА ИРА. Я не люблю читать письма. Они меня расстраивают. Все о плохом пишут.

МАМА ТАНЯ. Ещё одна.

БАБА ИРА. Давайте найдём что-то здесь, какой-нибудь милый, уютный домик.

МАМА ТАНЯ. Да ты что!?

ДЯДЯ МИША. А что? Почему бы и нет.

МАМА ТАНЯ. Я всем соседям напела историю, что я сестра хозяйки и приехала сторожить дом. А тут вдруг я перееду на соседнюю улицу!?

ДЯДЯ МИША. Да уж.

МАМА ТАНЯ. Нам надо район менять.

БАБА ИРА. Далекое я не поеду. У меня не тот возраст!

МАМА ТАНЯ. Слышала. Нашлась тут дворянка! Не до жиру.

БАБА ИРА. А Митя что?

МАМА ТАНЯ. Давно ты нашего Митю видела?

БАБА ИРА. Недели две назад.

МАМА ТАНЯ. Ну-ну...

БАБА ИРА. Позвони ему.

МАМА ТАНЯ. Он не берёт трубку. Да и что он тебе даст?

БАБА ИРА. Как что! Придумает что-нибудь. Этот дом он нам нашёл! И мы тут спокойно три месяца прожили.

МАМА ТАНЯ. Сначала ты сама его найди. А потом уж...

Из дома на веранду выходит заспанная Катя.

КАТЯ. А что так шумно?

МАМА ТАНЯ. Проснулась!

КАТЯ. Сколько еды... Бабуля! Какая ты умница!

БАБА ИРА. Вот! Единственный человек в этом доме, кто меня ценит! Катя, а это тебе специально взяла.

Баба Ира из кармана достаёт несколько флэшек и какие-то провода.

КАТЯ. Бабушка! Ты даёшь! Лёшка обрадуется!

БАБА ИРА. То, что просил. Вот, с листочком сверялась. Теперь точно. А то ругается твой гений, как будто я понимаю, какие провода ему нужны.

МАМА ТАНЯ. Гений...

БАБА ИРА. Спит ещё, Лёшка-то?

МАМА ТАНЯ. Как бы нас не замели тут с этим гением.

КАТЯ. Мама!?

БАБА ИРА. Так спит?

КАТЯ. Лёг уже утром.

МАМА ТАНЯ. Скоро на вокзале будет работать.

КАТЯ. Ты про что?

ДЯДЯ МИША. Хозяева едут.

МАМА ТАНЯ. И скоро приедут.

КАТЯ. А куда же мы?

МАМА ТАНЯ. Туда.

КАТЯ. А нельзя, чтобы они не ехали?

БАБА ИРА. Надо Митю ждать. Он придумает что-нибудь. Обязательно. А сейчас мне надо отдохнуть. Миш, тележку как обычно поставь.

ДЯДЯ МИША. Ага.

БАБА ИРА. Придёт он. Митя придёт. Не суетитесь. Мне отдохнуть надо.

КАТЯ. Кормилица! Бабуля!

БАБА ИРА. Вот, вот... Единственная ты моя. Иди, буди своего гения, радуй. Бабушка всё достанет.

ДЯДЯ МИША. Баба Ир, а если бы тебя с этой компьютерной ерундой поймали, что бы ты делала?

БАБА ИРА. А сейчас я тебе все секреты и выдала!

ДЯДЯ МИША. Ну всё же.

МАМА ТАНЯ. Отстань от неё. Помоги продукты перенести. Катя, помогай!

ДЯДЯ МИША. А?

БАБА ИРА. Испуг бы разыграла бы.

ДЯДЯ МИША. Как это?

МАМА ТАНЯ. Миша, помогай мне.

Мама Таня, Катя и Дядя Миша собирают продукты. Катя уходит с продуктами.

БАБА ИРА. А как чёрт от ладана — повыкидывала бы и сказала, что бесы всё это мне подсунули. Креститься бы стала и водой всех поливать. А потом на колени бы встала и лбом бы билась и шептала бы.

ДЯДЯ МИША. Вот как! И что, сработало бы?

БАБА ИРА. Сработало бы! Да уже не раз так делала. Эти мальчики там боятся всего. Ладно, мне надо отдохнуть.

Баба Ира уходит.

МАМА ТАНЯ. Меньше бы ла-ла разводил.

ДЯДЯ МИША. Да ладно, не злись.

МАМА ТАНЯ. Неси.

Мама Таня, Дядя Миша уходят в дом, унося продукты и тележку.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

День. Веранда. За столом Лёша. Лёша крутит какие-то детали. Катя приносит ему чай.

ЛЁША. Как твоя бабушка умудряется всё это делать? Воровать всё это?

КАТЯ. Она не ворует.

ЛЁША. Почему?

КАТЯ. Так же, как и ты не воруешь.

ЛЁША. Почему я?

КАТЯ. Ну, ты же не воруешь!

ЛЁША. Нет. Я занимаюсь своим делом, я честный хакер.

КАТЯ. Ну и она своим. Где-то в Америке кто-то потеряет несколько сотен или тысяч долларов. Так у них и так их много, этих долларов.

ЛЁША. Ну да.

КАТЯ. Ну и что, если бабушка что-то там возьмёт в магазине. У них и так всего много. Вон,

смотри - полки ломаются. А они всё жмутся.

ЛЁША. Точно. Вот, понимаешь, сколько добра там пропадает! Просто, ну вот просто лежит на полках и пылится. Я бы тут и ферму давно сделал бы. Вот твоя бабушка мне ещё пару десятков видеокарт принесла бы - и зажили бы.

КАТЯ. А если она принесёт эти видеокарты?

ЛЁША. Дело пойдёт! Я всё подсоединю, увеличим мощности и... Разбогатели бы!

КАТЯ. И вырубится всё электричество в посёлке.

ЛЁША. Это в прошлый раз у меня не получилось.

КАТЯ. А в этот получится, конечно...

ЛЁША. Ну да.

КАТЯ. Скажи, а вот мама всё меня домагивается...

ЛЁША. Ну слушай, сколько можно! Я стараюсь.

КАТЯ. Ты не дослушал.

ЛЁША. Я итак знаю, что она говорит. Но я не могу воевать с их системами безопасности. Это раньше можно было. А сейчас — там их тьма сидит в этих банках.

КАТЯ. А она думает, что ты эти доллары прячешь.

ЛЁША. Ну, ей Богу...

КАТЯ. Да я верю, верю.

ЛЁША. Кать, ну, правда. Раньше программу сварганишь, троян запихнёшь - и миллионер. А сейчас! Я ночи трачу, чтобы хоть поближе пробраться.

КАТЯ. Ну да. А кто номер счёта в прошлом году перепутал?

ЛЁША. Один раз было.

КАТЯ. И на бедную пенсионерку в Костроме вдруг посыпался долларовый дождь...

ЛЁША. Ну, перепутал. И слава Богу.

КАТЯ. Ну да, она вдруг превратилась в известного русского хакера.

ЛЁША. А то бы нас посадили, а не её. Ты смотри, смотри туда.

КАТЯ. Что?

ЛЁША. Девица идёт к нам. Осматривается. *(Показывает на сад.)*

КАТЯ. Я её не знаю.

ЛЁША. Может, какая подсадная.

КАТЯ. Простая она. Может, заблудилась.

ЛЁША. Сюда идёт.

На веранду с улицы заходит Марина.

КАТЯ. Ты кто?

ЛЁША. Да?

МАРИНА. А я... Ну... Митя мне сказал сюда идти.

КАТЯ. Митя!?

МАРИНА. Да, назвал адрес и сказал идти к Маме Тане. Это вы — Мама Таня?

КАТЯ. Какая я тебе Мама Таня!?

ЛЁША. А сам-то где он?

МАРИНА. А он ушёл. Мы с электрички как сошли, идём, идём. А потом раз и он говорит, что ты иди прямо и в этот дом, а сам вдруг исчез. Я и спросить не успела. Стояла, ждала. А потом решила идти сюда.

КАТЯ. Ну да. Мам! Иди сюда!

ЛЁША. Я пойду.

КАТЯ. Сиди.

МАРИНА. А вы Катя? Я вас такой и представляла.

КАТЯ. Неужели!?

МАРИНА. А вы её Лёша. Ну да! Митя таким вас и описывал. Ой! Извините.

КАТЯ. Mam!

МАРИНА. Но он о вас только хорошее говорил.

КАТЯ. Надо же.

Из дома появляется Мама Таня.

МАМА ТАНЯ. Чего орёшь-то? Это кто?

КАТЯ. Это к тебе, мам.

МАМА ТАНЯ. Ко мне!? Вы ко мне?

МАРИНА. Да, я с Митей.

МАМА ТАНЯ. С Митей? Интересно!

МАРИНА. Меня Мариной зовут. Я Марина.

МАМА ТАНЯ. Татьяна.

МАРИНА. Да, да, да. Мне Митя говорил. Я знаю.

МАМА ТАНЯ. Интересно. А где же сам Митя? Мы его тут уже третий день ищем.

ЛЁША. Четвёртый.

КАТЯ. Не умничай.

МАРИНА. Третий день... Ищите?..

МАМА ТАНЯ. Вы его не видели?

КАТЯ. Mam, она говорит, что они вместе приехали на электричке. Потом пошли по улице. А потом наш Митя исчез.

МАРИНА. Пропал. Он сказал, куда идти — я и пришла.

МАМА ТАНЯ. Пропал, исчез...

Из ниоткуда появляется Митя. Дверь на веранду раскрывается, и в эффектном костюме, с небольшим рюкзаком за спиной и парой бутылок в руках появляется Митя.

МИТЯ. Я не исчезал, я тут.

МАМА ТАНЯ. Явился!

КАТЯ. Митя!

МАРИНА. Я тебя потеряла...

МАМА ТАНЯ. О, при параде!

МИТЯ. Вот вам гостинцы. Сейчас отметим.

МАМА ТАНЯ. Что отметим?

МИТЯ. Возвращение. Встречу. Найдём, что отметить.

МАМА ТАНЯ. Только деньги тратишь!

МИТЯ. Почему? Одну купил, а другую взял...

МАРИНА. Как взял?

МИТЯ. Ну, бонусом дали. Акцию себе устроил.

МАМА ТАНЯ. Она не из наших?

КАТЯ. Видать, нет.

МИТЯ. Познакомьтесь — Марина. И сразу отвечаю. Она не из наших.

МАРИНА. Из каких из ваших?

ЛЁША. Ты лучше сразу нам всю фабулу раскрой, чтобы мы вписались.

МИТЯ. Марина, представляю тебе нашу творческую семью.

КАТЯ. Творческую — дальше некуда.

МИТЯ. На этой даче живёт уже много десятилетий наша семья. Семья поэтов, художников,

актёров и... ну, в общем, я тебе рассказывал и вам рассказываю. А Марина...

МАМА ТАНЯ. Да уж. А Марина?

МАРИНА. Понимаете, я вот, ну...

МИТЯ. Она сидела на лавочке, такой светлый, чистый образ, и плакала. Я раз прошёл, потом ещё раз и решил помочь девушке.

КАТЯ. Знакомо.

МАМА ТАНЯ. Помощник.

МАРИНА. Понимаете, со мной такое случилось...

МИТЯ. Всё очень просто, ей негде жить, негде спать.

ЛЁША. И не с кем спать.

КАТЯ. Не остри.

МАМА ТАНЯ. Давай подробнее.

МАРИНА. Я сама скажу. Понимаете, я сама из Самары. А здесь я на практике была, в командировке. Я пошла посмотреть ваш новый парк, ну, у Кремля. И там, ну, знаете, есть такое место! Там такой вид! Я смотрела и не могла оторваться. А потом смотрю, сумочки нет и рюкзака с вещами нет.

КАТЯ. Полнобовалась.

МИТЯ. А в сумочке деньги, карточки, телефон и паспорт.

МАРИНА. И билет на поезд.

ЛЁША. А поезд уже ушёл?

МАРИНА. Да.

МАМА ТАНЯ. Я вообще получше истории придумываю.

МАРИНА. А вы писательница, мне Митя рассказал уже. И о ваших романах рассказал.

МАМА ТАНЯ. Что? С кем романах?

МИТЯ. О твоих романах, романах... Понимаешь, книги, твои книги...

МАРИНА. Особенно мне понравилась «Ночная гадалка». Мне кажется, я даже читала этот роман.

МАМА ТАНЯ. Митя!

МИТЯ. Марине надо помочь.

МАМА ТАНЯ. Митя, я всё понимаю, но я тебе кое-что хочу сказать.

МИТЯ. Говори.

МАМА ТАНЯ. Во-первых, где ты был эти дни?

МИТЯ. Мама Таня, так премьеры была, потом фуршет, банкет, актёры, выставки. Ты себе не представляешь. А потом Марина... Её без паспорта никуда не берут.

КАТЯ. Ещё бы...

МАМА ТАНЯ. Ладно! Как сказать... Понимаешь, тут вот такая история, что в наше семейное гнёздышко, где мы поколениями, так сказать, жили скоро кое-кто приедет, и нам придётся шустро кое-что делать.

ЛЁША. Ноги делать.

МАРИНА. Какие ноги?

КАТЯ. У него сленг такой. Он же компьютерщик.

МИТЯ. Не понял.

МАМА ТАНЯ. На фуршетах и банкетах все мозги вытеккли... Я тебе звонила. Где телефон?

МИТЯ. Вот.

МАМА ТАНЯ. И что!?

МИТЯ. Выключился. Зарядка здесь...

МАМА ТАНЯ. Ты понял?

МИТЯ. Не совсем.

МАМА ТАНЯ. По-русски: пришло письмо, что скоро сюда зайвится клининговая компания,

а во вторник - сами хозяева.

МИТЯ. Понимаю.

МАМА ТАНЯ. И вряд ли они все нам будут рады.

МИТЯ. Да уж.

МАМА ТАНЯ. И денег у нашего семейства нет, понимаешь!?

КАТЯ. Может, у тебя они есть, Митя?

МИТЯ. Где уж.

МАМА ТАНЯ. И надо что-то срочно делать.

МИТЯ. Я придумаю.

МАРИНА. Я ничего не поняла. Но я пойду. Я вижу, что вы тут...

МИТЯ. Нет. Стой.

МАМА ТАНЯ. Как тебя... Марина, пойдём. Пошли... У нас там есть комната. Приведёшь себя в порядок. Бабушка тебя накормит.

МАРИНА. Но я вижу, что...

МАМА ТАНЯ. Ерунда. Это просто наши....

КАТЯ. Романы.

МАМА ТАНЯ. Ну да... Мы иногда играем в такие игры. Как бы вживую...

МАРИНА. Интересно.

Мама Таня и Марина уходят в дом.

КАТЯ. Митя, пришло письмо, и там написано про клининг. У нас всего несколько дней.

ЛЁША. И куда мне везти мои компьютеры? У меня там целый гараж.

КАТЯ. Мы тут уже привыкли.

МИТЯ. Снимем квартиру.

КАТЯ. У тебя есть деньги? В однушке мы не поместимся.

МИТЯ. Может, какая дача? Займём, как эту.

КАТЯ. Надо искать. А потом у нас все деньги ушли. Помнишь, как Дядю Мишу вызволяли, сколько отдали.

ЛЁША. Надо что-то такое придумать, чтобы вот, бац - и куча денег была.

МИТЯ. Сказал тут.

КАТЯ. А ты его не обижай. Лёшка — гений.

МИТЯ. Гений, только электроэнергию жрёт. Если бы я нас не запитал бы к соседям...

ЛЁША. Ладно тебе.

МИТЯ. Вот взял бы и придумал что-то такое эдакое, чтобы бац - и куча денег была.

ЛЁША. Ну да, и можно было бы просто снять что-то, а не так, как мы — без спроса.

МИТЯ. А что придумать!? Я уже всё, что мог, придумал.

ЛЁША. Ну, люди же что-то придумывают. Не знаю, вот написал роман — и куча денег.

МИТЯ. Ну и пишите свои романы, а я посмотрю.

КАТЯ. А я тут слышала, что у одной тётки картина висела. И она думала, что копия. А потом оказалось, что это чуть ли не Рембрандт.

МИТЯ. И что?

КАТЯ. Продала.

ЛЁША. Можно в лотерею играть.

МИТЯ. Сказал тут.

ЛЁША. Ну, можно же что-то интересное придумать, так, чтобы раз - и...

МИТЯ. Стойте. Картина!? А мне тут вспомнилось. Я тут с полгода назад был кое-где...

КАТЯ. Что... Что вспомнилось?

МИТЯ. Эта вся тусовка клюёт на всякое модное. Я видел, как кучу макулатуры продавали за

пару миллионов. И это выдавали за... Слово забыл.

ЛЁША. Инсталляцию.

КАТЯ. Ты гений...

МИТЯ. Точно, инсталляцию. И у меня есть идея. Только надо подумать. Значит, у нас есть пара дней...

ЛЁША. Да.

МИТЯ. Ладно... ладно... А пока мне надо поспать, поесть... и никого не видеть. Я на чердак...

Митя собирается уходить.

КАТЯ. Так ты придумаешь?

МИТЯ. Посплю и... придумаю.

Митя удаляется.

КАТЯ. Ты думаешь, он что-то придумает?

ЛЁША. Придумает.

КАТЯ. А если нет?

ЛЁША. В прошлые разы придумывал, и сейчас придумает. Мне пора. Я хочу всё это подключить, пока нас отсюда не выгнали.

Лёша уходит. Катя остаётся и вертит пустую чашку на блюдце в задумчивости.

КАТЯ. Какая-то странная у нас жизнь. Может, и правда, написать какой роман...

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

У окна веранды стоит Марина и смотрит на сад. Кроме неё на веранде никого нет. Входит Митя.

МИТЯ. Ты тут?

МАРИНА. Да. Какой неухоженный сад. Всё заросло.

МИТЯ. Тут никто не жил.

МАРИНА. Как никто не жил?

МИТЯ. А, ну, то есть... Какое-то время это был не наш участок. Долго рассказывать. Потом тебе расскажу. Как ты устроилась? Комната, ну, и всё остальное?

МАРИНА. Спасибо. Только мне кажется, что твои близкие мне не рады.

МИТЯ. Расслабься. Они хорошие люди. Просто у нас сейчас много проблем. Тебе же понравилась наша бабушка?

МАРИНА. Да, она очень добрая. И мне кажется, что она права, когда постоянно говорит о том, что цены в магазинах такие большие, что лучше на них не смотреть. Я надеюсь, что это не укор был мне.

МИТЯ. Да, нет... Просто она у нас по магазинам ходит.

МАРИНА. Она! И вы ей не помогаете?

МИТЯ. Нет, у неё свой талант. Ей помогать — только мешать.

МАРИНА. Странно. А твоя мама мне гадать стала. Она же писательница? А она карты достала и гадала. И так всё правильно, гладко и столько мне хорошего нагадала. Она же писательница?

МИТЯ. Ну да. Это она научилась. Роман один писала и научилась.

МАРИНА. Интересно.

МИТЯ. Привыкнешь. Надо думать, что с тобой делать. У меня есть приятель. Он едет в Волгоград на днях и тебя заберёт. Но тебе придётся несколько дней жить у нас.

МАРИНА. Спасибо.

МИТЯ. Скажи, Марин, вот меня такой факт заинтересовал. Ну, точнее, мне нужно кое-что знать.

МАРИНА. Что знать?

МИТЯ. Ты же в музее работаешь.

МАРИНА. В картинной галерее.

МИТЯ. Отлично. То, что надо.

МАРИНА. В каком смысле?

МИТЯ. Ну ты же знаешь, что я режиссёр.

МАРИНА. Конечно, ты же говорил. А что ты хочешь?

МИТЯ. Мне нужно кое-что знать о современной живописи.

МАРИНА. Я в ней мало что понимаю. Не люблю. Ты имеешь в виду эти инсталляции, эту мазню.

МИТЯ. Да.

МАРИНА. Я в этом ничего не понимаю.

МИТЯ. Но она ценится? Люди её покупают, смотрят!? Я же так понимаю.

МАРИНА. Да, к сожалению. Мне кажется, это просто реклама, пиар. Знаешь, можно вот прямо здесь собрать эти листья, траву и сгрести в кучу. Потом, какой-нибудь критик или блоггер напишет, что это гениально, и сразу же набегит толпа долбанутых, которые будут ходить вокруг этой кучи листьев и травы и искать какой-то смысл.

МИТЯ. И будут находить смысл?

МАРИНА. И будут восклицать, как это гениально сложить так листья., что это просто шедевр.

МИТЯ. Ты просто молодец!

МАРИНА. В каком смысле?

МИТЯ. А что тебе ещё не нравится в современном искусстве.

МАРИНА. А зачем тебе?

МИТЯ. Для постановки. Мне повезло тебя встретить. Ты очень и очень можешь мне помочь. А я помогу тебе. Идёт?

МАРИНА. Идёт.

МИТЯ. Ну и что тебе не нравится.

МАРИНА. Дай подумать. Ну, вот пару месяцев назад видела: висят холсты, на них мазня, и люди приходят и восхищаются этими кляксами.

МИТЯ. Они же восхищаются сочетанием цветов, замыслом художника.

МАРИНА. Да, они так и говорят: какой замысел, как гениально! Но там всё в одном цвете - как из ведра вылили и потоптались.

МИТЯ. И это всё покупается?

МАРИНА. Если это известный художник и есть раскрутка, то да. Сотни тысяч, миллионы платят. Или ещё, есть такое социальное направление.

МИТЯ. Это как?

МАРИНА. К примеру, помост.

МИТЯ. Так.

МАРИНА. И на нём инвалидная коляска или просто детская коляска. Может, костыли или какие-то игрушки и ещё какие-то вещи. А рядом с этим всем табличка со звучным названием.

МИТЯ. Иллюзия мечты, или потерянные надежды.

МАРИНА. Да, да...

МИТЯ. Но разве можно продать это? Кучу травы с листьями или эту коляску?

МАРИНА. Нет, продать можно картины. А это нужно для эпатажа, чтобы вокруг этого ходила публика и многозначительно несла всякий бред и фотографировала это всё для всяких изданий.

МИТЯ. А что можно продать?

МАРИНА. Ну я же не занимаюсь этим.

МИТЯ. Всё же.

МАРИНА. Картины, одежду.

МИТЯ. А одежду какую?

МАРИНА. Что-то вызывающее. Можно, вообще, взять скатерть или плёнку и всё это назвать каким-то нарядом.

МИТЯ. И это покупают?

МАРИНА. Да, могут. Если правильно подать.

МИТЯ. А что ещё?

МАРИНА. Ну, какие-то подделки, перпетуум-мобиле.

МИТЯ. Вечные двигатели?

МАРИНА. Да, какое-нибудь затрапезное колесо и к нему что-то приделанное, и всё это богатеи себе вешают в гостиных, чтобы потом выпендриваться перед подобными им.

МИТЯ. Идёт. Если что ещё вспомнишь - говори.

МАРИНА. Хорошо. Но что ты придумал? Зачем тебе?

МИТЯ. Я хочу сделать один спектакль. И это будет весело.

МАРИНА. Скажи, а могу я позвонить.

МИТЯ. Своим родителям? Ты же уже звонила от Пашки вечером.

МАРИНА. Они беспокоятся.

МИТЯ. Пошли к Лёше — он тебя подключит. Поговоришь со всем миром.

МАРИНА. Я недолго.

МИТЯ. Да без разницы. Всё равно бесплатно.

МАРИНА. Как?

МИТЯ. Долго объяснять. Пошли.

Митя и Марина уходят.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Веранда. Сумерки. За столом сидят Мама Таня, Дядя Миша, Катя, Лёша, Баба Ира. Митя стоит перед ними. Все смотрят на него.

МИТЯ. Ну, вы поняли мою идею? Достаточно всё просто.

Молчание.

МИТЯ. Объяснить ещё раз?

ДЯДЯ МИША. Просто, понимаешь, как сказать...

МАМА ТАНЯ. Я ничего не поняла!

ЛЁША. А зачем всё это нужно?

КАТЯ. Да!

МИТЯ. Вижу, что вы не поняли.

МАМА ТАНЯ. Я поняла, что ты хочешь сделать тут у нас музей.

ДЯДЯ МИША. Выставку.

ЛЁША. Биеннале.

МАМА ТАНЯ. Лёшка, не умничай.

МИТЯ. Ну, объясню ещё раз.

БАБА ИРА. Не надо.

МИТЯ. Бабушка?!

БАБА ИРА. Ты сядь, Митя.

МИТЯ. Почему!?

БАБА ИРА. Я сама объясню. Иди. Ты тут по-своему ля-ля. А у нас тут все простые. Я усекла суть, сейчас вам растолкую.

МАМА ТАНЯ. Мить, а Марина твоя где? Она ничего не поймёт? Не услышит?

МИТЯ. В комнате. Книжки какие-то нашла старые — читает.

ДЯДЯ МИША. И где ты такую мудрёную отыскал?

МИТЯ. На лавочке в сквере.

МАМА ТАНЯ. Вот и видать.

БАБА ИРА. Таня, слушайте. Объясняю просто.

ЛЁША. То есть для тупых.

БАБА ИРА. Слушайте. Наш Митя придумал следующее.

В дверях появляется Марина, но её никто не видит. Она хочет войти, но потом, слыша разговор, останавливается и отходит в тень, слушает.

БАБА ИРА. Он правильно стуканул, что эти богатеи.

ЛЁША. Нувориши.

БАБА ИРА. Любят что-то эдакое.

ЛЁША. Необычное.

МИТЯ. Лёша!

БАБА ИРА. И от своей скуки им деваться некуда. Это мне бедной, старой тётке...

МАМА ТАНЯ. Ну бабушка!

БАБА ИРА. Приходится каждый день рисковать и ходить по этим магазинам, тыря для всей семьи продукты. А эти...

ЛЁША. Нувориши.

БАБА ИРА. Отстань ты, Лёшка. Заладил. Эти пердила по наглому воруют миллиарды, и их никто не сажает.

КАТЯ. И все они уважаемые люди.

БАБА ИРА. И этим уважаемым пердилам уже скучно. Дворцы их им надоели, курорты их им надоели. Я в своей жизни один раз была на море.

МАМА ТАНЯ. А я и не знала.

БАБА ИРА. Один. Было там дело. А этим.

ЛЁША. Нуворишам.

БАБА ИРА. Вот заладил. А этим... Им уже и яхты надоели и море надоело. И подавай им то, чего у других нет. Вот они и на Северный полюс тащатся, и на сафари тащатся, и всякой

ерундой страдают.

ДЯДЯ МИША. Ну, это ясно. Но я всё равно не понял суть.

БАБА ИРА. А суть проста. Затащить сюда побольше этих богатеев.

ДЯДЯ МИША. И покоцать их! *(Показывает жестами.)*

БАБА ИРА. Нет. Это глупо! Не надо это.

МИТЯ. Да суть в другом.

БАБА ИРА. Подожди, Митя! Слушайте. Затащить сюда побольше этих богатеев, а Митя их знает, организует. Он там крутится. Да?

МИТЯ. Да, я сделаю.

БАБА ИРА. Так вот, и сделать им тут такое, что они ещё не видели.

МАМА ТАНЯ. А мы сможем сделать то, что они ещё не видели?

МИТЯ. Самое главное - это дать им понять, что это всё такое, что они ещё не видели.

ДЯДЯ МИША. Это как!?

БАБА ИРА. В общем, это как на рынке помидоры тухлые продаёшь, а твоя товарка ходит вокруг и говорит: какие сочные, тают во рту. А если кто что вякает, то сразу ему прямо в харю.

ДЯДЯ МИША. Влепить! Правильно, им и влепим!

МАМА ТАНЯ. Миша!

БАБА ИРА. Прямо в харю говорить, что он ничего не понимает, что это специальный сорт и что шёл бы он куда подальше. То же и здесь. Придут они все сюда, пятаки свои вылупят, и надо сразу им дать понять, что это у нас тут не тухлые помидоры, а высокое искусство и что сам Олифрен Олифран у нас это всё покупает.

ЛЁША. Что за Олифран Олифрен?

БАБА ИРА. Митя в меня выучился. А вы и сообразить не можете. Ладно. Выдумка это. Так вот, придут они, zenки повытаскивают. А мы им быстро всё организуем. Раскупят у нас наши творения, и денег заработаем.

МАМА ТАНЯ. Сколько?

БАБА ИРА. Денег?

МИТЯ. Я пока не думал.

БАБА ИРА. Тысяч сто.

ДЯДЯ МИША. Маловато.

МИТЯ. Больше, может, миллион удастся или несколько.

МАМА ТАНЯ. А это не криминал будет?

БАБА ИРА. А какой тут криминал?! Они знали что покупали. Они ещё и гордиться будут. Никто из них никогда не признается, что отдал деньги за фуфло. В худшем случае выбросят, а в лучшем случае будут любоваться и всем говорить, что картина из той же серии висит у самого Олифрен Олифрана.

МАМА ТАНЯ. Я не понимаю, причём здесь Олифран?

МИТЯ. Это бабушка выдумала.

МАМА ТАНЯ. Зачем?

БАБА ИРА. Жан Жак Гофран.

МАМА ТАНЯ. Это ещё что?

МИТЯ. Спасибо, бабушка! Это просто звучные, ничего не значащие имена. Но мы будем их произносить, и все будут верить.

БАБА ИРА. Да. Я помню, когда на рынке торговала, назвала петрушку «Ланфрен» - французский сорт. Покупали — отбоя не было. Специально приходили.

ДЯДЯ МИША. А где ты брала эту петрушку?

БАБА ИРА. Где и все - в огороде.

МАМА ТАНЯ. И это была простая петрушка?

БАБА ИРА. Да.

МИТЯ. Понимаете, люди ведутся на всё это.

ДЯДЯ МИША. Но я всё равно не понимаю, что от нас требуется.

БАБА ИРА. Ну да... Мы просто сделаем выставку, соберём всякое барахло и, как с помидорами и петрушкой, выдадим это всё за великие творения. И получим кучу денег, и сможем снять себе что-то получше, и хоть немного поправим свои дела.

МИТЯ. И если у нас получится, то ты бабушка больше не будешь ходить в магазин.

БАБА ИРА. Щас!

КАТЯ. Бабушка за социальную справедливость.

БАБА ИРА. Да, чтобы эти магазины на мне зарабатывали!?

МАМА ТАНЯ. Но что нам делать?

МИТЯ. Сейчас расскажу.

ЛЁША. Всё равно я не понял. Мы никогда такого не делали.

МИТЯ. Я видел эти выставки. Сам бывал на них. Там ничего особенного нет.

КАТЯ. Ну, вот представь, где мы эту выставку устроим? Здесь!?

МИТЯ. Да.

КАТЯ. Здесь!?

МИТЯ. А что?

КАТЯ. И ты думаешь, что сюда кто-то придет!?

МИТЯ. Да.

КАТЯ. Не думаю.

МИТЯ. Катя, эти люди любят приключения.

БАБА ИРА. Им же скучно. Им нужны какие-то выкрутасы.

МИТЯ. От нас требуется придумать им что-то эдакое.

ЛЁША. Что?

МИТЯ. Смотрите. Вот ты, Лёша, у тебя есть ненужные провода, диски, коробки от компьютеров, какие-то ненужные вещи, периферия какая-то, старье?

ЛЁША. Есть. Зачем тебе?

МИТЯ. Тащи.

ЛЁША. Зачем?

МИТЯ. Не задавай вопросов.

Лёша уходит. Марина прячется, чтобы он её не заметил.

МИТЯ. Дядя Миш, сможешь найти что-то старое — покрышки, железяки. Там же, в сарае полно? Тащи всё сюда и во двор. И коляску свою тащи, с которой ты едешь.

ДЯДЯ МИША. Инвалидную?

МИТЯ. Да, и костыли. Всё носи.

ДЯДЯ МИША. Ладно.

МИТЯ. Слушай, там ещё краска была - принеси сюда.

ДЯДЯ МИША. В сарае? Да, что-то было.

Дядя Миша уходит во двор.

МИТЯ. А теперь, кто у нас тут рисует? Катя?

МАМА ТАНЯ. Почему, я тоже рисую.

БАБА ИРА. И я.

МИТЯ. Нет, пусть Катя рисует.

КАТЯ. Но я не умею рисовать.

МИТЯ. Это-то и надо.
МАМА ТАНЯ. Митя, я, вообще, всегда хорошо справлялась.
БАБА ИРА. А у меня хорошо подписи получаются поддельные.
МИТЯ. Нет, вы не поняли. Мне нужен совершенно бездарный человек.
КАТЯ. Это я-то бездарная!?
МИТЯ. Да нет, в рисовании. В рисовании! Не обижайся.
КАТЯ. Бездарная! Сам ты бездарный!
МИТЯ. Смотри, сейчас Дядя Миша принесёт краску. Надо найти что-то, на чём можно рисовать - скатерть, доски.
БАБА ИРА. Отыщем!
МИТЯ. И надо будет рисовать.
КАТЯ. Что рисовать?
МИТЯ. А ничего. Ты просто бери краску и малюй. Туда-сюда.
КАТЯ. Так и малевать?
МИТЯ. Как умеешь, так и малюй.
БАБА ИРА. Только сильно вокруг не пачкай.
КАТЯ. Мне нужно настроиться. Надо подумать.
МИТЯ. Думай. Так. А ты Мама Таня, будешь делать инсталляции.
МАМА ТАНЯ. Как? Что делать?
БАБА ИРА. Инсталляции, темнота!
МАМА ТАНЯ. Сама ты темнота. Я все виды гадания знаю - Таро, карты, астрологию, Юнга, Фрейда и Блаватскую знаю.
БАБА ИРА. Испугала!
МИТЯ. Мама Таня, делаешь следующее. Сначала в саду сооружай что-то невысказанное.
МАМА ТАНЯ. Что невысказанное?
МИТЯ. Берёшь грабли, сгребаешь траву, листья.
МАМА ТАНЯ. В кучу?
МИТЯ. Да. И можешь туда ещё какую палку, корягу, что угодно, вставить.
МАМА ТАНЯ. Ну ладно.
МИТЯ. И придумывай название ко всему. Дядю Мишу попросим написать на дощечке.
МАМА ТАНЯ. У меня с придумыванием названий туго.
МИТЯ. Все пусть сегодня посмотрят новости культуры. Там наберётся всяких бредовых названий.
МАМА ТАНЯ. А где же мы найдём? Из чего нам всё делать?
МИТЯ. Найди на кухне что-то бесполезное.
МАМА ТАНЯ. В каком смысле?
МИТЯ. Тарелки, половники, ложки, кастрюли. И сделай из них что-то эдакое.
МАМА ТАНЯ. Эдакое!?
МИТЯ. Чем безобразнее, тем лучше.
МАМА ТАНЯ. Безобразнее!?
МИТЯ. Да, чем ужаснее, вызывающе, тем лучше.
МАМА ТАНЯ. Ладно. Посмотрю, что там, на кухне есть.
МИТЯ. Там аквариум пустой стоит. Наполни его водой, кинь туда... любой мусор.
БАБА ИРА. Пустые банки из-под йогурта.
МИТЯ. Отлично! Это будет олицетворять загрязнение мирового океана.

Мама Таня уходит. Марина прячется от неё.

МИТЯ. Так, бабушка!

БАБА ИРА. Интересно, а я на что сгожусь?

МИТЯ. Ты же хорошо разбираешься в одежде?

БАБА ИРА. Можно и так сказать. Я всегда в магазинах беру что поинтереснее, помоднее.

МИТЯ. Смотри, надо будет порыться в шкафах на втором этаже.

БАБА ИРА. Там много барахла.

МИТЯ. Именно. Собери что-то вызывающее, несочетающееся. Попроси Дядю Мишу из палок сделать что-то типа манекенов и повесь это всё на них. Бери красное, синее, сочетай, как хочешь, но чтобы это всё смотрелось максимально ужасно. Бери консервные банки, вешай там, что хочешь.

БАБА ИРА. Ну, идея ясна. Сделать несколько пугал для огорода.

МИТЯ. Чем больше, тем лучше.

БАБА ИРА. Это я смогу. Помню, как в 86-м в Ставрополе.

МИТЯ. Бабушка, некогда, некогда. Мне надо быстрее сюда приглашать людей.

БАБА ИРА. Ладно, поняла я. Пойду искать.

МИТЯ. Иди, иди.

Баба Ира уходит. Марина прячется. Митя остаётся один на веранде.

МИТЯ. А теперь надо придумать, как мне затащить сюда побольше этого богатого сброда.

Затемнение.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Митя сидит за столом и что-то набирает в телефоне. Потом подносит телефон к уху и говорит.

МИТЯ. Да, двенадцатого сентября. Всё верно поняли. Неожиданно, да. Рано, да. Но потом они уедут в Милан, Париж и Лондон. Торопитесь. Хорошо, жду.

Митя откладывает телефон.

МИТЯ. С этими всё хорошо. Теперь надо этим звякнуть и этому аферисту-посреднику напомнить.

Марина выходит на веранду и, ничего не говоря, идёт к двери и решительно пытается открыть её, но так как она открывается в другую сторону, Марина её не может открыть. Митя подсказывает к ней. Марина пятится от него. Митя ничего не понимает.

МАРИНА. Пусти! Отпусти! Дай выйти! Заперли!

МИТЯ. Ты куда!?

МАРИНА. Пусти, сказала! Я хочу уйти! Открой!

МИТЯ. Куда уйти!?

МАРИНА. Отпусти! Я кричать буду! Кричать буду!

МИТЯ. Ты что!? Что случилось!?

МАРИНА. Вы бандиты!

МИТЯ. Да что ты! Не вырывайся!

МАРИНА. Преступники! Банда!

МИТЯ. Да стой ты! Успокойся!

МАРИНА. Шайка!

МИТЯ. Куда ты пойдёшь?

МАРИНА. В полицию!

МИТЯ. И скажешь, что мы тут банда?

МАРИНА. Да, да, да...

МИТЯ. И зачем!? Тебе что плохого мы сделали, бабушка?

МАРИНА. Вы людей обманываете.

МИТЯ. И нас надо посадить!?

МАРИНА. Может, ты и украл у меня вещи!?

МИТЯ. Брось! Чушь! Ну-ка иди сюда.

Митя силой оттаскивает Марину от двери и сажает за стол.

МАРИНА. Отпусти! Отпусти!

МИТЯ. Садись! Поняла! Садись.

МАРИНА. Я буду кричать!

МИТЯ. Три минуты и можешь идти.

МАРИНА. Отпусти!

МИТЯ. Только меня выслушай.

МАРИНА. Отпусти!

МИТЯ. Да какая же ты. Три минуты.

МАРИНА. Отпусти!

МИТЯ. Просто молчи, посиди и иди куда хочешь. Три минуты!

МАРИНА. Если не отпустишь, буду кричать!

МИТЯ. Успокоилась!? Послушай и иди, куда хочешь! Слушай.

МАРИНА. Ладно.

МИТЯ. Не знаю, что ты там себе нафантазировала, но я не брал ничего. Знаешь, кто я?

МАРИНА. Вор!

МИТЯ. Я — артист.

МАРИНА. Ну да!

МИТЯ. Правда. У меня и диплом есть.

МАРИНА. Ага, и в театре играл?

МИТЯ. И в театре играл. Только платили мне копейки, и ролей не было.

МАРИНА. Не верю!

Митя вдруг отходит от неё за другой конец стола и, смотря ей в лицо, начинает говорить, преобразаясь. Марина ничего не понимает.

МИТЯ. Видишь, моя мать меня не любит. Ещё бы! Ей хочется жить, любить, носить светлые кофточки, а мне уже двадцать пять лет, и я постоянно напоминаю ей, что она уже не молода. Когда меня нет, ей только тридцать два года, при мне же сорок три, и за это она меня ненавидит. Она знает также, что я не признаю театра. Она любит театр, ей кажется, что она служит человечеству, святому искусству, а по-моему, современный театр — это рутина, предрассудок. Когда поднимается занавес и при вечернем освещении, в комнате с тремя стенами, эти великие таланты, жрецы святого искусства изображают, как люди едят, пьют, любят, ходят, носят свои пиджаки; когда из пошлых картин и фраз стараются выудить мораль, — мораль маленькую, удобопонятную, полезную в домашнем обиходе; когда в

тысяче вариаций мне подносят всё одно и то же, одно и то же, одно и то же, — то я бегу и бегу...

Митя замолкает. Молчание.

МИТЯ. Это Чехов. Чайка. Я мечтал сыграть Треплева. Я актёр.

МАРИНА. Не знаю.

МИТЯ. Я учился, я хотел играть. Я хотел делать что-то настоящее, большое, нужное людям. А в театре мне приходилось играть в буффонаде, которую они называют искусством. Мне приходилось изображать, что я понимаю и разделяю их мысли, их идеи. А я презирал этих режиссёров, которые с умным видом делают пустяки. Они заняты все только собственной персоной! И до людей им далеко... Ты говоришь, что мы бандиты, воры. А кто все они? Мы артисты, благородные артисты, а комедианты — они. Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, там, ссоримся и дерёмся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А они? Они всю жизнь толкуют о высоком искусстве. А что они сделали!? Они тешут только самих себя и самих себя забавляют, когда у нас полно нищих, полно обездоленных! Ты говоришь, что мы воры. А я видел, как ставили спектакли, пустые и никчемные, тратя на их постановку миллионы, обогащая себя и всех причастных. И я видел своих нищих друзей, артистов, режиссёров, певцов, которые никому не были нужны и которым никто не даст даже крохи на то, чтобы им хоть как-то жить и реализовываться. Я видел этих охламонов, мажоров, которые тратят за один только вечер столько, сколько другие зарабатывают за годы. Я видел унижение людей, рабство! Да, рабство, когда люди готовы из-за долгов, нищеты и всей этой несправедливости терпеть и глупость начальников, и всеобщее лицемерие. И можно было бы с этим смириться!? Можно! Можно было тупо поддакивать им всем, говорить, какие все вы умные, талантливые и замечательные. А я не захотел! Да, я бродяга, да, я пропойца, гуляка. Я тусуюсь по компаниям, клубам и тырю деньги у этих мажоров. Устраиваю любые аферы, придумываю что ни попадя. Но кого я обманываю, простых людей? Нет! Я обманываю их! А их и надо обманывать! А мне кто-то даёт выбор!? О, нет. Конечно, он есть, этот выбор. Быть нищим и якобы законопослушным или быть таким, как я есть.

Марина встаёт и собирается уйти.

МИТЯ. Ты куда?

МАРИНА. Я пойду.

МИТЯ. Подожди. Постой!

Митя усаживает Марину и продолжает.

МИТЯ. А что ты скажешь про Бабу Иру?

МАРИНА. Она такая же, как вы все.

МИТЯ. Она жила там, на юге. Она жила простой жизнью. Да, где-то спекулировала, хитрила, придумывала. У неё был дом, была семья. Она не вспоминает прошлого. У неё был муж. На стройке ему ноги отрубило, понимаешь! И она одна работала, ухаживала за мужем, троих детей на ноги поднимала. А потом оказалось, что она не той национальности. В той республике вдруг решили, что она там какая-то не такая. Ночью дом их сожгли. Все погибли. Она каким-то чудом выжила. Погрузили в самолет и отправили в Россию. Поняла!?

МАРИНА. Да.

МИТЯ. Дальше слушай. А потом, через много лет, какой-то умный чиновник сказал, что она в каком-то там году на территории России не жила, и что пенсия ей не положена, и

гражданство ей не положено, и пусть она едет туда, откуда она приехала... И куда ей деваться, в её-то годы!?

МАРИНА. Есть же государство, фонды, благотворительность...

МИТЯ. Ты наивная. Мы никому не нужны! Ты не поняла! И Баба Ира никому не нужна. Да, она умеет обманывать, она умеет красть всё то, что плохо лежит. Но она не берёт у простых людей. Никогда! Она, наоборот, помогает. Многим помогает. Мы бы без неё не продержались. А если она и возьмёт в крупном магазине, так они какие наценки делают! И ты её преступницей будешь считать!?

МАРИНА. Митя, но всё равно, так нельзя!

МИТЯ. А Мама Таня! Знаешь, почему она Мама Таня!

МАРИНА. Не знаю.

МИТЯ. А потому, что она мне не мама.

МАРИНА. Не мама!?

МИТЯ. Нет. Я не знаю своих родителей. Вообще у меня нет никого из родственников. А она меня пожалела. А ей самой тогда плохо было. На руках Катька, вся больная. Лекарства дорого стоят. В том городишке, где мы жили, ничего не достать, ни врачей, ничего! А она меня пожалела. Тётка моя умерла. Меня в детский дом уже отдать хотели.

МАРИНА. И что?

МИТЯ. А она не дала. Взяла к себе, накормила, одела, приласкала. Бегала по всем инстанциям. Опекун оформила, понимаешь! А потом... потом, она в меня поверила! Что я артист, поверила! Она мне сказала, что я буду артистом! Всё сделала!

МАРИНА. Ну да...

МИТЯ. Да!? А Катьку надо было на ноги ставить. В Москву мы поехали. Работать она стала, я помогал. А денег нужно много было. Вот она и стала...

МАРИНА. Кем стала!?

МИТЯ. Гадалкой.

МАРИНА. Гадалкой!?

МИТЯ. Ага. Сначала она работала в магазине, уборщицей, где придётся. Но потом как-то так получилось, что люди стали идти к ней, и она им гадала, на картах, на чём угодно. Она стала до такой степени известной, что это позволило и мне, и Катьке выучиться, а бабушке не работать, а помогать ей.

МАРИНА. А сейчас почему вы здесь и придумываете всё это, раз она так получает?

МИТЯ. Всё кончилось.

МАРИНА. Как кончилось? Она сейчас не гадает?

МИТЯ. Гадает, только деньги уже не те.

МАРИНА. Как не те?

МИТЯ. Она лет пять назад была очень известной. Мы жили на Чистых прудах. Пока...

МАРИНА. Что пока?

МИТЯ. Пока всё не поменялось. Появились новые гадалки, шаманы, колдуны и маги. Напривозили всяких из разных стран и племён. А потом, она что-то не то сказала какой-то мадам, и мы одно время вообще скрывались, а Маму Таню объявили в розыск. Так что...

МАРИНА. А Дядя Миша?

МИТЯ. А что Дядя Миша!?

МАРИНА. Он тоже никакой не родственник? Откуда он? Эти ордена, форма - настоящие?

МИТЯ. А ты как думаешь?

МАРИНА. Наверное, нет.

МИТЯ. Настоящие.

МАРИНА. Как!? Как настоящие!?

МИТЯ. В Афгане воевал, в Чечне воевал. Контузило. Ранило. Всё как водится. Жену его с

сынишкой подорвали в 96-м в военном городке. Ты ему об этом не напоминай. А потом вернулся он к себе под Кострому в деревню, на Волгу. А там его и не ждали.

МАРИНА. Кто не ждал?

МИТЯ. Местный бандюган землю забрал, житья не давал.

МАРИНА. И что?

МИТЯ. Как-то Дядя Миша его и пристрелил.

МАРИНА. Пристрелил!?

МИТЯ. Его и посадили.

МАРИНА. Кого, бандюгана?

МИТЯ. Нет, тот помер, а Дядю Мишу посадили.

МАРИНА. Надо же...

МИТЯ. А потом, когда его выпустили, поехал он обратно на Волгу. А дом его сестра уже отобрала. Вот так. А мы там от полиции скрывались у общего приятеля. Там Мама Таня с ним и познакомилась. Так и живём.

МАРИНА. А чем он занимается?

МИТЯ. Дядя Миша... Да всем. Бывает, берёт гитару и поёт - на улице, на вокзалах, везде. Бывает, милостыню просит. Бывает, бабушке помогает, Маме Тане, мне...

МАРИНА. А ему не обидно всем этим заниматься.

МИТЯ. Чем этим?

МАРИНА. Ну, этим, улица, милостыня...

МИТЯ. Это намного честнее, чем ты думаешь.

МАРИНА. А Катя? Она чем занимается? Лёша же её парень?

МИТЯ. Катя... Увы, Катя у нас бесталанная и очень добрая.

МАРИНА. Так кто она?

МИТЯ. Аферистка.

МАРИНА. Аферистка!?

МИТЯ. Да, мелкого пошиба. Она всё пытается что-то придумать, что-то заработать, кого-то обмануть.

МАРИНА. И что?

МИТЯ. А обманывают всегда её. Недавно мне пришлось искать кучу денег, чтобы вызволить её из беды. Она всех жалеет, всем помогает... Вот тот же Лёшка...

МАРИНА. Да, Лёшка.

МИТЯ. Где она его нашла! Он считает себя гением, и всё пытается обогатиться, и придумывает всякие программы, чтобы получить миллионы. А получает только счета на электричество и проблемы с полицией всех стран.

МАРИНА. А где же она его нашла?

МИТЯ. Это вообще смешная история. Катька пыталась облапошить каких-то буржуев и наткнулась на Лёшку, а он там в какой-то коммуналке скрывался от долгов. У него мать где-то под Тулой. Шлёт ей деньги. Катька его с собой к нам и притащила. Так он с нами и остался. Проку от обоих ноль. Того и гляди, что натворят что-нибудь вселенского масштаба.

МАРИНА. Ясно. Но это же всё равно всё нечестно.

МИТЯ. А что честно?

МАРИНА. Жить нормально, обычно.

МИТЯ. Как?

МАРИНА. Как все живут.

МИТЯ. А как все живут?

МАРИНА. Ну, как все...

МИТЯ. В нищете, унижении, без справедливости и свободы? Каждый из нас успел увидеть многое. А что нам остаётся? Мы не грабим и не убиваем, мы просто живём так, как умеем.

Если можно объегорить какого-то балбеса и это даст нам хоть немного денег, то чего в этом плохого!?

МАРИНА. Как чего? Вы воруете?

МИТЯ. Нет. Мы берём то, что плохо лежит, и то, с чем люди готовы расстаться. Все эти прохвосты и богатеи грабят народ, а мы грабим их. А потом, посмотри на нашу Катку — детским домам помогает, многодетным матерям помогает. С ней нельзя связываться. Мы больше отдаём, чем берём себе. Такой мы народ — у нас добро долго не держится, куда-то утекает.

МАРИНА. Робин Гуды!?

МИТЯ. Как хочешь, так и думай. Но ты мне нужна.

МАРИНА. Я?

МИТЯ. Во-первых, ты мне понравилась. А во-вторых, нам нужно прямо сейчас поехать к паре буржуев и рассказать о нашем мероприятии.

МАРИНА. Но я никогда с такими не общалась.

МИТЯ. А ты смотри на меня. Да и по дороге я тебя научу.

Митя отходит от Марины и пристально смотрит на неё.

МАРИНА. Что ты делаешь?

МИТЯ. Смотрю.

МАРИНА. На меня?

МИТЯ. Оцениваю тебя.

МАРИНА. Дурак.

МИТЯ. Мы идём к высокопоставленным и богатым придуркам, и нам надо себя подать так, как они хотят. Бабушка, Мама Таня!

МАРИНА. Зачем ты их зовёшь?

МИТЯ. Нам надо приодеться.

Из дома выходит Баба Ира.

БАБА ИРА. Мить, что?

МИТЯ. Бабушка, мне нужна твоя та, такая безумная шляпа.

БАБА ИРА. Какая?

МИТЯ. С полами, которую ты тогда, ну, помнишь, так оригинально стащила.

БАБА ИРА. Сейчас. Несу.

Баба Ира уходит. Появляется Мама Таня.

МИТЯ. Мама Таня, неси срочно мой чёрный пиджак и чёрные брюки.

МАМА ТАНЯ. Ты уходишь?

МИТЯ. Неси — объясню.

Мама Таня уходит. Приходит Баба Ира с шикарной женской шляпой и сумочкой.

БАБА ИРА. Ну вот.

МИТЯ. Отлично. Марина, надевай!

МАРИНА. Зачем? Это вульгарно.

МИТЯ. Ничего. Так нужно.

БАБА ИРА. Надевай, надевай, деточка. Митя знает, как надо.

Марина надевает шляпу и берёт сумочку. Появляется Мама Таня с пиджаком и брюками.

МАМА ТАНЯ. Так, ну и ну! Так куда вы собрались?

Митя берёт пиджак и брюки и переодевается, снимая с себя брюки и надевая новые и попутно объясняя.

МИТЯ. Итак, слушайте. Сейчас мы едем с Мариной на операцию, чтобы к нам на нашу выставку пришли кто нужно. И будем только завтра.

МАРИНА. Завтра?!

МИТЯ. Такая наша жизнь. Ты же хочешь нам помочь!? Хочешь! Так вот, а вы готовите всё по плану. И завтра мы устроим смотр того, что у нас получилось! Ясно.

Появляется Дядя Миша.

ДЯДЯ МИША. О!.. У вас тут что, показ мод?

МИТЯ. Дядя Миша и все присутствующие, пошлите нас к чёрту, мы пошли на операцию. Марина!

Митя хватает Марину и выталкивает ее на улицу. Они уходят.

МАМА ТАНЯ. Боюсь я.

БАБА ИРА. Да ты не бойся. Получится. У нас целая ночь впереди. Сейчас такое смастерим!

МАМА ТАНЯ. Придётся.

БАБА ИРА. Я никогда не любила осень.

МАМА ТАНЯ. Почему!? Осенью всегда урожай, орехи, фрукты.

БАБА ИРА. Увядание. Как будто душа куда-то уходит.

МАМА ТАНЯ. Сказала!

БАБА ИРА. Как будто надежда с тобой прощается. Так хочется задержать лето!

МАМА ТАНЯ. Желтеют листья, падают листья...

БАБА ИРА. Желтеют.

МАМА ТАНЯ. И падают.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

День. Веранда. Светло. Вся веранда заставлена непонятными конструкциями, деревяшками. На стенах висят какие-то скатерти, плёнки, фанера. Рядом с верандой на улице большая куча мусора, коряг. Стол отодвинут. К столу прислонен большой лист фанеры. Рядом с ним Катя с палкой, на которую надет рулон туалетной бумаги. Рядом стоят несколько больших банок краски. Катя задумчиво смотрит на пустую фанеру, потом макает палку в краску и рисует что-то. Входит Лёша.

ЛЁША. Это у тебя что?

КАТЯ. «Метание в ночи».

ЛЁША. Что?

КАТЯ. Митя сказал придумывать название всему, что я рисую.

ЛЁША. Рисуешь!?

КАТЯ. Рисую.

ЛЁША. А почему не кистью. Стой, это что!? Рулон туалетной бумаги?

КАТЯ. Да, ну и что. Рисовать можно всем.

ЛЁША. Не лучше ли кистью.

КАТЯ. Я их не нашла.

ЛЁША. Только бумагу переводишь.

КАТЯ. Ты ничего не понимаешь. Это продадут за десятки тысяч.

ЛЁША. Ага, кто тебе сказал?

КАТЯ. Митя.

ЛЁША. Ну-ну... за десятки тысяч...

КАТЯ. Долларов.

ЛЁША. Вот это «Метание в ночи»? Ага... Ну-ну... Здесь вот я бы жёлтого добавил.

КАТЯ. Не лезь. Жёлтой краски у меня нет.

ЛЁША. Художница...

КАТЯ. Художница! А ты иди своим делом займись. Я вот приду, посмотрю, что ты там делаешь.

ЛЁША. Делаю. Как надо делаю. Всё старье собрал и скрутил.

КАТЯ. Ну-ну... Кое-как.

ЛЁША. Как надо скрутил, творчески.

КАТЯ. Приноси сюда.

ЛЁША. У меня ещё не готово. Я думаю. Это же творчество.

КАТЯ. Иди, думай. Не мешай.

ЛЁША. Деловая...

Из дома на веранду выходит Баба Ира и зовёт Дядю Мишу.

БАБА ИРА. Неси, неси. Давай. Сюда. Аккуратнее.

Дядя Миша выносит вешалки на палках (самодельные манекены) с творением Бабы Иры.

БАБА ИРА. Аккуратнее неси. Лёша! Иди помоги. Там ещё стоят. Выносите всё сюда.

Лёша уходит в дом и начинает выносить самодельные манекены с одеждой.

БАБА ИРА. Катя, ну, смотри. Как!? А это что у тебя?

КАТЯ. «Метание в ночи»

БАБА ИРА. Ну, так, ничего. Но хуже, чем «Дневной закат».

КАТЯ. Да!? А мне нравится.

БАБА ИРА. А остальные где? Творения твои где?

Катя показывает на висящие скатерти.

КАТЯ. Эти здесь сушатся. Остальные во дворе.

БАБА ИРА. Смотри теперь, что я сделала. Выносите. Миша, Лёша, выносите всё.

Дядя Миша и Лёша выносят манекены с непонятной, странной, несочетающейся одеждой,

пленкой, коробками, шляпами, изолентой. Что-то обмотано проводами или туалетной бумагой.

КАТЯ. Это что!?

БАБА ИРА. Моё творчество. Я всю ночь работала.

ДЯДЯ МИША. Баба Ир, — сесть и не встать.

БАБА ИРА. Я сама знаю, что получилось. У меня в крови это.

ЛЁША. И это, вы думаете, хоть кому-то понравится?!

КАТЯ. Лёша!

ЛЁША. Ну, правда!?

БАБА ИРА. Ты слаб в искусстве, Лёша.

Лёша подходит к разным платьям и с удивлением их рассматривает.

ЛЁША. А это вы из сарая взяли?

БАБА ИРА. Да, это из сарая.

ЛЁША. Старая проводка?

БАБА ИРА. Для тебя старая проводка, а для меня - элемент моего костюма.

ЛЁША. И это у вас называется костюм? Провода, какая-то кофта, какой-то колпак!?

БАБА ИРА. Да, я назвала это «Узы страсти». Как вам!?

ЛЁША. Бред.

КАТЯ. Я ещё твоего творения не видела. Критик тут.

ДЯДЯ МИША. В город я в таком не пошёл бы.

БАБА ИРА. И правильно, это женский костюм. Мужские вон там. Это «Раб мечты». Это «Сладострастие».

ЛЁША. А причём тут сладострастие и туалетная бумага, обмотанная вокруг рукавов?

БАБА ИРА. У тебя нет фантазии, Алексей.

ЛЁША. Ну, конечно.

БАБА ИРА. Туалетная бумага, обматывающая руки, и вот этот красный цвет рубашки символизируют червя в яблоке.

ДЯДЯ МИША. Кого?

БАБА ИРА. Червя в яблоке.

ЛЁША. А причём тут сладострастие?

БАБА ИРА. Ты плохо учился. В Библии знаешь, что сказано, — яблоко, змей и Ева. Вспоминай. А где Таня? Я хочу, чтобы она посмотрела. Где она?

ЛЁША. Она на кухне. Возится там.

ДЯДЯ МИША. Все кучи уже сгребла. Я ей всё подписал. Вот та куча - «Жёлтое безумие», а вот та с корягой - «Зовущий порыв».

ЛЁША. Причём здесь «порыв»?

ДЯДЯ МИША. Это Таня придумала - у неё спрашивай. Я только таблички писал.

БАБА ИРА. Так что она там делает?

КАТЯ. Она уже идёт. Смотрите.

Появляется Мама Таня с железным ведром, из которого торчат половники, кухонные доски, тостер, банки, крышки, пластиковые бутылки и пакеты, оторванные страницы из журнала.

ДЯДЯ МИША. Что это!?

ЛЁША. Это мусор? Выбрасывать?

МАМА ТАНЯ. Не трогайте. Ничего здесь не трогайте.

Мама Таня ставит ведро на стол.

МАМА ТАНЯ. Это моя инсталляция. Инсталляция! Поняли!?

ЛЁША. Ага, мусорное ведро с ненужными вещами.

МАМА ТАНЯ. Нет. Это - «Изабелловое сердце».

ЛЁША. Что?

ДЯДЯ МИША. Правда?

МАМА ТАНЯ. Ну а что? Чем вам не нравится!?

ДЯДЯ МИША. Название странное.

КАТЯ. Правда, мам.

МАМА ТАНЯ. Я сериал смотрела, по одному каналу шло что-то типа сердечная что-то там... а по другому каналу что-то типа изабелловой масти. Я соединила.

БАБА ИРА. А если спросят?

МАМА ТАНЯ. Ну, скажу что-то.

БАБА ИРА. Лучше сейчас придумай.

МАМА ТАНЯ. Вот это...

ДЯДЯ МИША. Эта бутылка?

МАМА ТАНЯ. Да, эта деталь. Она ассоциируется, олицетворяет собой наши муки, муки любви, неразделённой любви.

КАТЯ. А доска?

МАМА ТАНЯ. А этот элемент олицетворяет нашу жизнь. Видите - эти борозды, эти зарубки.

ЛЁША. А половник?

МАМА ТАНЯ. А этот элемент символизирует мужскую импотенцию.

ДЯДЯ МИША. Что?

МАМА ТАНЯ. И мужское предательство.

ЛЁША. Глупость.

МАМА ТАНЯ. Бабушка, а я смотрю, ты тоже тут успела...

БАБА ИРА. Ну, дело мастера боится.

Мама Таня осматривает работы Бабы Иры.

МАМА ТАНЯ. А вот это мне нравится.

БАБА ИРА. Я старалась.

ЛЁША. А Вы, Татьяна Петровна, в этом в метро не хотите проехать?

МАМА ТАНЯ. Нет.

БАБА ИРА. Это не для метро, это для других целей.

ДЯДЯ МИША. Да, для помойки.

БАБА ИРА. Это для высшего общества.

ЛЁША. А это одно и то же — помойка.

МАМА ТАНЯ. Мне нравится. И названия есть?

БАБА ИРА. Конечно. Это - «Узы страсти», это - «Сладострастие», это - «Кротость безумия», это - «Добрая жестокость», это - «Святая порнография», это - «Смелость девственности».

ЛЁША. Что?

КАТЯ. Бабушка, правда!?

МАМА ТАНЯ. Баба Ира!?

БАБА ИРА. Вы все ничего не понимаете в искусстве! Вы просто... Вы... Обидеть творца каждый может... Что вам не нравится? Ведь хорошая вещь. Смотрите.

МАМА ТАНЯ. Но названия?!
БАБА ИРА. Я так почувствовала.
МАМА ТАНЯ. Есть же пределы.
БАБА ИРА. Митя сказал, что чем чуднее, чем безнравственнее называть, тем лучше.
ЛЁША. Лучше бы переименовали.
БАБА ИРА. Я не буду переименовывать!
ЛЁША. Ну, смотрите.
БАБА ИРА. Это цензура! Вы просто ничего не понимаете!
ДЯДЯ МИША. Конечно.
БАБА ИРА. Вам бы только критиковать!
МАМА ТАНЯ. Ладно, Баба Ир! Что ты!
БАБА ИРА. Я старалась, я так чувствовала. Смотрите — это же есть «Смелость девственности». Я же всё могу объяснить.
ЛЁША. Не надо! Не надо!
БАБА ИРА. Вы все ретрограды! Вы не хотите ничего нового! Вы так и будете в искусстве плестись по-старому.
КАТЯ. Она явно насмотрелась чего-то...
БАБА ИРА. Ничего я не насмотрелась.
ЛЁША. А я видел, как вы новости культуры вчера смотрели с этим чудным ведущим.
МАМА ТАНЯ. Да, да. Точно.
КАТЯ. Он так там смешно нёс всякий бред с умным видом.
БАБА ИРА. Вы ничего не понимаете.

Баба Ира уходит.

ЛЁША. Она явно вошла в роль.
МАМА ТАНЯ. Так это хорошо.
КАТЯ. Лёша, а где твои работы?
ЛЁША. Там.
КАТЯ. Неси.
ЛЁША. Мне нужно кое-что привинтить. Помогите мне.
КАТЯ. Пошли.
МАМА ТАНЯ. А я тоже хочу посмотреть.
ДЯДЯ МИША. Интересно, а что ты там наделал?
ЛЁША. Дядя Миш, не острите. Лучше мне пассатижи найдите.
ДЯДЯ МИША. Ну, пошли.

Все уходят. Веранда пуста.

Затемнение.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Веранда. Сумерки. На веранде никого. Слышатся какие-то голоса издалека. Что-то обсуждают, колотят. На веранду заходят Митя и Марина.

МАРИНА. Никого.

МИТЯ. Они все там.

МАРИНА. Здесь темно.

МИТЯ. Надо включить свет.

Марина натыкается на манекен и пугается. Митя включает свет.

МИТЯ. Смотри. Как тебе? Они постарались.

МАРИНА. Это же ужас!

МИТЯ. Это творчество! Натворили - вот и творчество.

МАРИНА. Я этого не понимаю.

МИТЯ. Те, у кого мы были, это всё явно оценят.

МАРИНА. Ты думаешь?

МИТЯ. Ну, если это всё им хорошо преподнести.

МАРИНА. Я всё равно не верю.

Марина осматривает одежду, инсталляции, картины и читает ярлычки и таблички.

МИТЯ. Увидишь!

МАРИНА. Посмотрим.

МИТЯ. А тут и смотреть нечего. Ты же видела всех этих дамочек и тузиков, у которых мы были, нашу высокомерную элиту, свет общества.

Марина рассматривает одежду и читает таблички.

МАРИНА. Я от них устала. Я валюсь с ног. Как же они меня бесили! «Сладострастие», «Кротость безумия», «Смелость девственности». Чепуха!

МИТЯ. Это креатив.

МАРИНА. Ты думаешь, что у тебя всё получится?

МИТЯ. У нас всё получится. Они как миленькие купят весь этот мусор и ещё долго будут хвастаться перед всеми.

МАРИНА. А тот противный маленький человек, к которому мы зашли? Я не поняла ничего.

МИТЯ. О, это самый ценный экземпляр. Это посредник.

МАРИНА. Но он же никакой. И плохо пахнет.

МИТЯ. Его ценность в другом.

МАРИНА. В чём же?

МИТЯ. Уже вся Москва знает о том, что завтра, вот здесь, вот тут, будет происходить событие, которое им нельзя пропустить, и если они пропустят его, то это просто понизит их статус в обществе, в их обществе.

МАРИНА. Странно. Я до сих пор ничего не понимаю.

МИТЯ. Этот маленький человек - самый лучший распространитель слухов. Кто надо уже написал у себя в соцсетях всё, что нам надо.

МАРИНА. А зачем он это сделал?

МИТЯ. Я ему заплатил, и обещал ещё.

МАРИНА. Он тоже аферист, как и вы?

МИТЯ. Он пользуется тем, что имеет.

МАРИНА. И завтра здесь будет полно всех тех, у кого мы были?

МИТЯ. Даже больше. Намного больше. Правильно поставленные акценты - и всё в ажуре.

МАРИНА. Если получится, если всё получится — что тогда?

МИТЯ. Тогда мы получим очень много денег.

МАРИНА. И что ты будешь с ними делать, с этими деньгами.

МИТЯ. Я уверен, что они быстро потратятся.

МАРИНА. Как?

МИТЯ. Мама Таня снова откроет своё дело и прогорит. Дядя Миша заведёт свою мастерскую, но дело не пойдёт.. Уверен. А Катя... Катя найдёт снова много тех, кому надо будет срочно помогать, и тех, кто её с радостью облапошит, хотя она будет думать, что это она их обманывает, а не они её. А Лёша закупит своих компьютерных штучек и будет думать, что вот-вот - и разбогатеет, и вновь курс криптовалюты обвалится, и он прогорит. Ну, а Баба Ира не сдержится и стырит что-то в магазине, и мне опять придётся вызволять её и платить.

МАРИНА. Хорошо. А ты!?

МИТЯ. Что?

МАРИНА. Куда бы ты потратил сам деньги? На что?

МИТЯ. Я бы арендовал зальчик, собрал бы ребят и стал бы ставить спектакли. Создал бы свой театр.

МАРИНА. А какой театр? Какой бы он был?

МИТЯ. Какой бы он был?..

МАРИНА. Да, ты мне много рассказывал о театре, о пьесах, об артистах. Вот театр, и что бы это был за театр?

МИТЯ. Там бы не было наносного, театрального, шелухи, пафосного.

МАРИНА. Театрального?

МИТЯ. Да. Там бы была наша жизнь. Простая. Лица, эмоции, глаза. Да, глаза.... Там бы не было этих всяких выдумок режиссёров, кривляний, театральной ерунды. Там бы артисты проживали жизнь, так, как по-настоящему. И им бы верили. Зрители верили. Это был бы настоящий, живой театр, а не мёртвый, какие они все сейчас.

МАРИНА. И у тебя бы получилось? Нет. Точно, получилось бы!

МИТЯ. Получилось бы.

МАРИНА. Я верю!

МИТЯ. А потом мы влезли бы в долги. Я ведь не делец, и я бы много платил артистам, давал бы в долг, а цены на билеты были бы маленькими. И мы бы закрылись. А я бы прятался вновь от долгов.

МАРИНА. Почему так грустно?

МИТЯ. Это реальность.

МАРИНА. А разве вот этим, ну, этой публике, высокому обществу..

МИТЯ. Что?

МАРИНА. Они тебе не могли бы помочь? Твоему театру?

МИТЯ. Нет.. Нет..

МАРИНА. Почему?

МИТЯ. Это им не понять. Это было бы слишком просто для них, наивно, народно... Они никогда не стали бы помогать делать этот театр.

МАРИНА. Почему же? Ты же так хорошо всё придумал с выставкой. Разве трудно будет сделать то же с театром?

МИТЯ. Невозможно.

МАРИНА. Почему?

МИТЯ. Для них главное - не то, что мы с тобой чувствуем, не глаза, не сердца. Им важна картинка, пиар, действие. Для них важно, чтобы всё было креативно, оригинально. Если вчера здесь ходили ногами, то сейчас надо ходить вверх ногами, посадить всех артистов на коньки, велосипеды, ролики — это оригинально, это ново. Это они поймут. А всё остальное — чепуха, пустые чувства. Они давно разучились чувствовать, сострадать, понимать. Только что они будут делать, когда уже не останется новых приёмов в творчестве у режиссёров?

МАРИНА. Полетят на Луну.

МИТЯ. Да, именно. Театр под водой, театр на воздушном шаре, театр на крыше...

МАРИНА. Если так, ты не будешь создавать свой театр?

МИТЯ. Буду.

МАРИНА. Но он же разорится.

МИТЯ. Пока он не разорился, мы поставим несколько спектаклей, и куча хороших людей получит работу и деньги.

МАРИНА. Но так нельзя.

МИТЯ. Почему?

МАРИНА. Нельзя.

МИТЯ. Мы живём так.

МАРИНА. Какие же вы аферисты тогда?

МИТЯ. Теперь мы не бандиты и не преступники?

МАРИНА. Вы какие-то балбесы.

МИТЯ. Да, лучше так. А вот ты на что потратишь деньги, если всё получится? На что?

МАРИНА. Деньги? А разве мне что-то дадут?

МИТЯ. Конечно.

МАРИНА. Куплю сестрёнке платьице, и если что останется, то кукольный домик. А вот, если ещё останется, то маме сапоги на зиму. А вот если ещё останется, то ещё папе куртку. У него старая.

МИТЯ. А если на всё это хватит и если будет много денег?

МАРИНА. Много это сколько?

МИТЯ. Миллион.

МАРИНА. Как миллион? Целый миллион!?

МИТЯ. Два миллиона.

МАРИНА. Да ты что!?

МИТЯ. Три миллиона.

МАРИНА. Да не дури.

МИТЯ. Ну, на что ты потратила бы эти деньги?

МАРИНА. Я бы Лене красок купила и холсты, и рамы, и сумку.

МИТЯ. Лене?

МАРИНА. Подруге. И ещё другим художникам бы помогла.

МИТЯ. На эти деньги ты бы всех знакомых завалила красками.

МАРИНА. Тогда бы я Ленке синтезатор купила. Она так хорошо играет, а играть ей не на чем.

МИТЯ. Три миллиона! Ты на них кучу всего купишь!

МАРИНА. А если бы я могла, то я бы... Там у нас есть такой старый склад. Я бы там музей сделала бы.

МИТЯ. Музей? Смешно.

МАРИНА. Почему?

МИТЯ. Кто туда пойдёт?

МАРИНА. Пусть никто не пойдёт. Но моим друзьям нужно, чтобы их картины висели там, чтобы они знали, что их работа нужна. Ты же понимаешь, что людям нужно знать, что они нужны кому-то, что их труд нужен, что они не просто так рисуют, пишут, поют, танцуют.

МИТЯ. А на себя бы... Что себе ты купила бы?

МАРИНА. Себе? У меня всё есть...

МИТЯ. О Боже! Ты больше в Москву не приезжай.

МАРИНА. Почему?

МИТЯ. Тебя опять обворуют.

Слышатся голоса, и шум усиливается. Из дома на веранду выходят Баба Ира, Мама Таня, Катя, Лёша и Дядя Миша, несут что-то невразумительное и ставят это на стол.

БАБА ИРА. Митя!

МАМА ТАНЯ. Давно вы тут?

КАТЯ. А мы тут работаем. Я столько нарисовала.

ЛЁША. Смотрите, смотрите. Это моя работа. Все смотрите.

ДЯДЯ МИША. Да уж, постарались. Только ты сразу говори, что и я тебе помог.

ЛЁША. Идея моя. Вы только крутили.

ДЯДЯ МИША. Гений фигов!

Все смотрят на что-то невразумительное, огромное, состоящее из проводов, компьютерных плат, мониторов, экранов и кнопок от клавиатуры.

МАРИНА. О, Боже...

МИТЯ. Это просто здорово! Я просто потрясён!

ЛЁША. Вот! Вот!

МИТЯ. Да! Нет, я всем потрясён. И одеждой, и картинами, и этими инсталляциями..

ЛЁША. Эта работа называется «Смысл жизни». Подзаголовок «Рассвет Заката».

БАБА ИРА. Что?

МАМА ТАНЯ. Причём тут «Рассвет Заката»? Чушь!

МИТЯ. Стойте! Хорошее название! Лёшка, молодец!

ЛЁША. Вы ничего не понимаете.

МИТЯ. Правильно, хорошее название. Идёт! У меня сразу полно мыслей.

ЛЁША. Вот!

МИТЯ. Смотрите. Завтра днём к нам нагрянет много народу. Надо быть всем на высоте.

ДЯДЯ МИША. Ты толком скажи, что нам делать!?

МИТЯ. Итак. Пока я говорю, не теряйте времени. Расставляйте всё по порядку. Вешайте картины, всё двигайте так, чтобы было прилично, удобно. Вот эти манекены лучше сюда. А картины вот тут и тут вешайте.

Все начинают двигать манекены, вешать картины. Митя стоит посередине и жестами показывает, куда что двигать.

МИТЯ. Итак, надо распределить роли. Катя будет талантливым художником.

КАТЯ. Почему будет? Я уже художник!

МИТЯ. Ясно. Придумай себе псевдоним.

КАТЯ. И думать нечего - Катя Лёха.

МИТЯ. Отлично!

КАТЯ. Ну а как!

МИТЯ. Запомни, твоя история будет такая — ты незаконная дочь олигарха Х.

КАТЯ. Х?

МИТЯ. Да, Х! И вынуждена зарабатывать деньги своими художествами.

КАТЯ. А если они будут меня домогаться, спрашивать?

МИТЯ. Говори, что это такая печальная история, и плачь или прячь глаза в руки.

КАТЯ. Попробую.

ЛЁША. А зачем это всё?

МИТЯ. За таинственное больше дают. А ты, Баба Ира... ты будешь у нас дизайнером и

модельером. История простая — много лет прожила в Южной Америке, очень известная, из-за своих связей с местным диктатором была вынуждена вернуться в Россию.

БАБА ИРА. Нет.

МИТЯ. Что? Почему?

БАБА ИРА. Один диктатор — это мелко. Двумя диктаторами.

МИТЯ. Пусть двумя.

БАБА ИРА. Только я ничего не знаю о Южной Америке.

МИТЯ. Тебе и знать не надо. Просто делай загадочный вид, когда будут спрашивать, и говори, что это тайна, ты не можешь об этом говорить.

ДЯДЯ МИША. За тайну больше платят?

МИТЯ. Ну да! Так, Мама Таня! Ты будешь писательницей, которая пробует себя в новых направлениях, и твои работы несут психологически-эзотерический, трансмистический след.

МАМА ТАНЯ. Митя!

МИТЯ. Скажешь, что ты работаешь под псевдонимом.

БАБА ИРА. О, я себе придумала, я буду Донна Ирэна Роза Кальвадоса Доминика Хулио Хорковадо!

МИТЯ. Бабушка! Ты будешь просто графиней Барятинской. Этого хватит.

БАБА ИРА. Просто графиней?

МИТЯ. Да. А ты, Мама Таня, будешь писательницей, работающей под известными псевдонимами. И одень чёрные очки, шляпу и вуаль, а то старые клиентки могут попасться. А псевдоним сама себе придумай.

МАМА ТАНЯ. Я буду Маргаритой Тайнинской.

МИТЯ. Пойдёт. Так, Лёша. Ты будешь иностранным писателем и музыкантом, членом нашей творческой команды.

ЛЁША. Почему иностранным?

МИТЯ. Потому, что тебе лучше молчать.

ЛЁША. Но как я буду молчать?

МИТЯ. Ты будешь иностранным музыкантом.

ЛЁША. Почему музыкантом? Я ничего не понимаю в музыке.

МИТЯ. И не надо понимать. Бабушка тебя оденет. Бабушка! Лёшку в пугало. И ты будешь у нас Лекс Перлссон.

ЛЁША. Перлссон!?

МИТЯ. Да, швед.

ЛЁША. Почему швед?

МИТЯ. Чтобы никто с тобой по-шведски не говорил. И скажем, что ты ещё пьесы пишешь.

ЛЁША. По-шведски?

МИТЯ. Ну да. Наша публика любит всё с иностранным уклоном.

ЛЁША. Всё равно не понимаю.

МИТЯ. Будут задавать вопросы - говори всем: «Я донт говорить руски». И делай задумчивый вид.

ЛЁША. Как?

МИТЯ. Думай о том, что курс криптовалюты обрушился.

ЛЁША. Ясно.

ДЯДЯ МИША. А я?

МИТЯ. Дядя Миша, а ты будешь известным актёром Заволжским.

ДЯДЯ МИША. А если они узнают, что я неизвестный актёр, вообще не актёр?

МИТЯ. Они ничего не узнают. Ты говори - они поверят. Убедительно говори.

ДЯДЯ МИША. Буду стараться.

МИТЯ. И ещё! Это касается всех. Ни в коем случае не улыбайтесь!

КАТЯ. Это почему?

МИТЯ. Вы видели их зубы? Как фарфор! Они помешаны на зубах. А на себя посмотрите. Сразу спалите всё дело.

КАТЯ. А как же тогда?

МИТЯ. Говорите в сторону и не показывайте зубы. Ничего сложного.

БАБА ИРА. Ну и ну.

МИТЯ. Бабушка, Мама Таня, а вам надо подумать и завтра что-то надеть попримечнее.

МАМА ТАНЯ. Да у нас же нет ничего.

МИТЯ. Ничего. Скажете, что специально выбирали такое.

БАБА ИРА. А причёска?

МИТЯ. Тоже специально визажист вам это делал. Идите, идите.

Мама Таня и Баба Ира уходят.

ДЯДЯ МИША. Мить, а ты сам себе что придумал?

ЛЁША. Правда, Мить? Какая у тебя роль?

МИТЯ. Я буду известным и модным режиссёром Митей Чёрным.

КАТЯ. Почему Чёрным?

МИТЯ. Пиджак у меня чёрный.

ЛЁША. Ну да, режиссёр. И что ты поставил?

МИТЯ. Как что!? Десятки спектаклей.

ЛЁША. Ага. Какие?

МИТЯ. Очень просто: «Он шёл вдоль забора», «Птица на ветке сидела», «Падал лист осенний», «Придумать было ничего нельзя» ну и так дальше.

ДЯДЯ МИША. Странные названия.

МИТЯ. Всё что вижу, то и говорю.

ЛЁША. Ну-ну...

МИТЯ. Так, не расслабляемся. Работаем!

КАТЯ. А Марина что будет делать?

МИТЯ. Марина — это известный мировой критик, оценщик. Она будет оценивать.

МАРИНА. Ты не говорил.

МИТЯ. Марина, всё просто. Делай умный вид. Тебя будут спрашивать — ты говори, и всё.

МАРИНА. Мне страшно.

МИТЯ. Некогда, некогда бояться. За работу! Музыку, включите музыку! Вперёд.

Все под музыку расставляют картины и инсталляции. Поднимают баннер над верандой «Биеннале на Перловской».

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Следующий день. Светло. Веранда. На веранде Мама Таня (в шляпе и чёрных очках) и Баба Ира (стильно одетая). Слышатся шум и гул от множества людей.

БАБА ИРА. Вроде всё идёт хорошо.

МАМА ТАНЯ. Да, да. Я волновалась. Как ты хорошо придумала сделать это самообслуживание.

БАБА ИРА. Ну, Митя всё про каких-то официантов... Зачем деньги тратить.

МАМА ТАНЯ. Эта публика довольна.

БАБА ИРА. Пускай. Но смешные они. Я и не думала, что они до такой степени смешные. Этот-то, с усами, прямо меня достал. Говорит, а не родня ли мы с вами. Я там по каким-то бабушкам, да дедушкам к вам имею отношение. А другой, ну, противный такой, всё докапывался, слова какие-то странные: видео, зонтевидео, асуньон, пима, лима, пайрес-байрес, тевадор, пили, чили. Тьфу. Еле отвязалась.

МАМА ТАНЯ. Загадочный вид делала?

БАБА ИРА. А то! Я ему на фонарь показала и дала понять, что за нами следят.

МАМА ТАНЯ. А он?

БАБА ИРА. Хотел договориться об отдельной встрече.

МАМА ТАНЯ. А ты?

БАБА ИРА. Сказала, что улетаю в Париж.

МАМА ТАНЯ. Отстал?

БАБА ИРА. Нет. Там стал встречу назначать.

МАМА ТАНЯ. А ты?

БАБА ИРА. Я ему сказала, что там я под колпаком МИ6.

МАМА ТАНЯ. Это что?

БАБА ИРА. Митя говорил, что английская разведка.

МАМА ТАНЯ. Париж — это Франция.

БАБА ИРА. Что знала, то и сказала. А ты-то как от них отбоярилась?

МАМА ТАНЯ. Делала умный вид и говорила непонятные слова.

БАБА ИРА. Я слышала, но ничего не поняла.

МАМА ТАНЯ. Мой последний роман называется «Карабкась по обоям» о жизни паука, пробирающегося от пола к потолку. Ему грозит смерть. Неминуемая смерть! Но он ползёт. Он достигает своей цели. И его паутина гордо виднеется в комнате.

БАБА ИРА. Ты что?! Таня!

МАМА ТАНЯ. Я им это говорила. На полном серьёзе. Я вспомнила про паука в моей комнате.

БАБА ИРА. А они?

МАМА ТАНЯ. Будешь смеяться. Они с очень умными лицами это всё слушали. А несколько дамочек потом делились своими впечатлениями от прочитанных ими моих книг.

БАБА ИРА. Ты же ничего не написала?

МАМА ТАНЯ. Ну, им лучше известно, написала я или нет. Меня там один журналист донимал. Всё спрашивал, что я пишу, что из моей прозы мне ближе?

БАБА ИРА. А ты что?

МАМА ТАНЯ. Как Митя учил, говорила, что в голову приходило: пишу сейчас книгу «Пингвин учится летать».

БАБА ИРА. Что-то тебя на животных потянуло.

МАМА ТАНЯ. Там один на пингвина был похож.

БАБА ИРА. А что журналист?

МАМА ТАНЯ. Он уже успел проникнуться моим творчеством. И сказал, что моя книга «Карабкась по обоям» - это олицетворение нашего мира, нашей жизни. Что это новое слово в философском осмыслении многих вопросов. А моя книга «Пингвин учится летать» наверняка превзойдёт все остальное.

БАБА ИРА. Вот как?

МАМА ТАНЯ. Самое интересное, что этот журналист тоже читал мои книги, и его любимая

- «Сидя на жёрдочке, спрятав голову».

БАБА ИРА. Опять животные. И ты её написала?

МАМА ТАНЯ. Не знаю, я по сторонам смотрела, что в голову приходило, то и говорила. Может, ляпнула, а он записал.

БАБА ИРА. А если потом позабудешь то, что наговорила?

МАМА ТАНЯ. Как будто ты сама всё помнишь.

БАБА ИРА. Это да.

МАМА ТАНЯ. Ну, забуду, так забуду. Надеюсь, что с ними со всеми больше не встречусь. А так, ну и что. Ну, забуду, так я писательница, мне можно говорить всё что ни попадя... Это мой стиль.

БАБА ИРА. Ладно, у тебя всё получается. От тебя эти дамы прямо не отходят.

МАМА ТАНЯ. А я когда им на картах гадала, тогда ещё поняла, что главное - людям ничего плохого не говорить. Даже если видно, что у них всё плохо, говори про хорошее. Например, видно, что дом у него сторит... Смотри, Катя вся запыхавшаяся бежит.

БАБА ИРА. И что? Что ты говоришь?

МАМА ТАНЯ. А я им говорю, что будет у вас новый дом. И не вру. И настроение не порчу. Катя! Что ты!?

Вбегает запыхавшаяся Катя.

КАТЯ. Бабушка, мама! Колбаса! Где она?

МАМА ТАНЯ. Какая?

КАТЯ. Ну та, самая дешёвая.

БАБА ИРА. Задунайская с жирком?

КАТЯ. Да, она. Где она?

БАБА ИРА. На подоконнике смотри.

МАМА ТАНЯ. Она же там испортится на солнце.

БАБА ИРА. Ничего.

Катя собирается уже убежать обратно.

МАМА ТАНЯ. Как там, Катя?

КАТЯ. Ой, всё вроде идёт. Картины понравились. Торгуются. К Мите одна критик пристала. Мелкая такая. Без ума от его новаций и режиссуры... Я балдею от этого народа.

МАМА ТАНЯ. А разве Митя что-то ставил?

КАТЯ. Ой, не знаю. Она прямо столько слов сказала... Я слушала, и сама поверила.

МАМА ТАНЯ. А как покупают?

КАТЯ. Ой, уже столько всего купили. Но всё по мелочи.

БАБА ИРА. Это хорошо. При деньгах теперь будем.

КАТЯ. Да нет. У них у всех наличных почему-то нет.

МАМА ТАНЯ. Как нет!?! Такие богатеи. Такие машины.

КАТЯ. Мама, всё по карточкам сейчас. Они говорят, что завтра привезут деньги и всё заберут. Только пара человек расплатились.

МАМА ТАНЯ. А как твой Лёшка держится?

КАТЯ. Это умора! Строит из себя звезду. Меня тут одна дама спросила, кто это такой. А я говорю: известный драматург и музыкант Лекс Перлссон.

МАМА ТАНЯ. И что?

КАТЯ. Та прямо так и обрадовалась. Оказалось, что и пьесы его читала, и музыку его слушала, и в журнале что-то видела.

БАБА ИРА. Правильно Митя говорил: нацепи на себя иностранную фамилию и вперед — путь открыт.

КАТЯ. Не знаю.

БАБА ИРА. А обжираловка, ну, фуршет? Как всё?

КАТЯ. Ой, отлично. Так хорошо, что мы решили у сарая за домом всё делать. Они все в восторге. И от дома нашего в восторге, думают, что мы специально нанимали дизайнера, чтобы такую разруху воспроизвести. А эту задунайскую, дешёвую они приняли то-ли за французскую, то ли за немецкую. Все талдычат: дует, андует. Не поймёшь их. Какой пикантный вкус, запах!

Катя убегает.

БАБА ИРА. Не зря на подоконнике на солнце держала - немного протухла.

МАМА ТАНЯ. В жизни такую гадость не стала бы есть.

БАБА ИРА. Они же не задунайскую едят, а французскую. Смотри, Митя, Марина и эти противные идут.

МАМА ТАНЯ. Вижу. А не отравятся они?

БАБА ИРА. Пусть травятся, тебе жалко что ли.

МАМА ТАНЯ. Нас обвинят.

БАБА ИРА. Они в своих ресторанах ещё не такую гадость едят.

На веранду входят Митя, Марина, Гарик и Ольга.

МИТЯ. Обсудить все вопросы мы можем тут. Вот и Баба... ой, графиня тут и Тайнинская тут.

ОЛЬГА. Хорошо бы ещё Катю Лёху попросить.

МАРИНА. Кого?

МИТЯ. Знаменитую художницу.

МАРИНА. Ой, извините. Я заработалась сегодня.

ОЛЬГА. Да, конечно. Столько прекрасных экземпляров, извините, творений. Поистине творений. Да, Гарик?

ГАРИК. Ага.

ОЛЬГА. Гарик!

ГАРИК. Прекрасные, прекрасные...

Они подходят к Бабе Ире и Маме Тане. Баба Ира и Мама Таня при разговоре отворачивают лица или закрывают рот рукой или предметами.

МИТЯ. Представляю вам: это графиня, вы уже общались, это мадам Тайнинская. А это господа Васильевы: Ольга Борисовна и её муж Гарик.

ОЛЬГА. Гарик Петрович.

МИТЯ. Гарик Петрович. Да. Ценители искусства. Мы наслышаны о вашей коллекции, о том, насколько она обширна, да Марина?

МАРИНА. Да, даже в отдаленных уголках России о ней знают. Недавно я была в...

МИТЯ. Ну, это лишнее.

ОЛЬГА. Почему же. Мне приятно это слышать. Где о нас говорят?

МАРИНА. В Самаре, Воронеже, Алапаевске.

ОЛЬГА. А это что такое Алапаевск.

МАРИНА. Город.

ОЛЬГА. Гарик, ты слышал. Всё зря, зря! Не зря. Вот, поедешь в Алапаевск.

ГАРИК. Зачем?

ОЛЬГА. Ну, поедешь, вдруг. Не всё же по загранице ездить.

ГАРИК. И что?

ОЛЬГА. А там тебя знают, видишь.

ГАРИК. Да ну.

ОЛЬГА. Гарик!

ГАРИК. Хорошо, хорошо.

МИТЯ. Ну, приступим. У вас очень большой заказ. Я так понимаю, что вам очень много всего понравилось.

ОЛЬГА. Да, а можно ещё и шведа этого позвать? Ну, который глухонемой.

МИТЯ. Он просто не говорит по-русски.

ОЛЬГА. Мне очень понравилась вот эта. Извините, это замечательная работа. Я не могу от неё оторваться. Это просто... Я хочу её купить.

МИТЯ. Марина, позовите, пожалуйста, Лекса Перлссона и Катю Лёху.

МАРИНА. И Катю, и Лёху позвать?

МИТЯ. Марина!

МАРИНА. А... Сейчас.

Ольга обращает своё внимание к Маме Тане и Бабе Ире.

ОЛЬГА. Мадам Тайнинская, я так рада вас видеть!

МАМА ТАНЯ. Взаимно.

ОЛЬГА. Это прекрасно, наконец, увидеть вас вживую.

МАМА ТАНЯ. Взаимно.

ОЛЬГА. Я так наслышана. Ваши романы! Я их читала не отрываясь. Вот этот, сейчас, «Сидя на...»

МАМА ТАНЯ. «... жёрдочке и свесив ноги».

ОЛЬГА. Да, да, извините. Я плохо запоминаю длинные названия. А вот эта книга, моя любимая «Чёрная кошка, белая грудка».

БАБА ИРА. Одни животные... Соседская кошка была рядом.

ОЛЬГА. Что?

БАБА ИРА. Я говорю, что и у меня эта кошка любимая, то есть книжка.

МАМА ТАНЯ. Очень рада.

ОЛЬГА. И я так жду вашей новой книги. Это так интригующе: «Пингвин учится летать».

БАБА ИРА. Я тоже жду.

ОЛЬГА. У вас такой психологизм! Во всём! Вы же наверняка что-то ещё пишете. Мне так хочется узнать, ну, конфиденциально. Что же нам жать после вашего «Пингвина...»? Ну скажите.

МАМА ТАНЯ. Я не знаю. Обычно я...

БАБА ИРА. Голуби на заборе сидят. *(Бабе Ире скучно, она смотрит в окно.)*

ОЛЬГА. Что, графиня?

БАБА ИРА. Я говорю, голуби... Тьфу. Мадам Тайнинская, если позволите, поделилась, что следующая её книга будет называться «голуби на...»

МАМА ТАНЯ. Нет, графиня, вы забыли. Я её назову «Хуже голубей».

ОЛЬГА. Какое странное название.

МАМА ТАНЯ. Я там расскажу о сложных взаимоотношениях в голубиной стае, понимаете?

ОЛЬГА. О да! Как тонко! Это же надо! А хуже каких голубей, раскройте.

МАМА ТАНЯ. О, это уже мой секрет.

ОЛЬГА. Я уже вижу это. Вы гениальная!

БАБА ИРА. Не то слово.

ОЛЬГА. Слушайте, Митя, как хорошо у вас тут всё продумано. Такой антураж, такая атмосфера! Построить такие декорации тут! Это шикарно, и, наверное, много денег стоит?

БАБА ИРА. Она про что?

МАМА ТАНЯ. Декорации — это наш дом.

ОЛЬГА. Специально навалили камней, высадили дикие кусты, дырявый забор и столы из покрышек. Это креатиф, магнефитик, Гарик.

ГАРИК. Ага.

ОЛЬГА. И какие у вас оригинальные платья, мадам Тайнинская, графиня! Специально под это мероприятие! Митя, вы меня предупредили бы, я оказалась не готова. Да, Гарик?

ГАРИК. Ага.

ОЛЬГА. Митя, я заказала бы себе такое же, чтобы вписаться в этот антураж.

МИТЯ. Извините, это наше упущение.

ОЛЬГА. А эта идея самим себе отрезать сыр, колбасу, бананы. Это просто бомба. Представляете, я сама, ну и вы тоже, я ведь давно даже ножа в руки не брала. А тут, я боялась его взять. А потом приноровилась.

БАБА ИРА. Я не поняла. Что вы с ножом?

ОЛЬГА. Графиня, ну понятно. Дома мне всё приносят, как и вам. Но иногда хочется чего-то натурель.

БАБА ИРА. Плохо слышу.

ОЛЬГА. Не знаю как по-русски. Ну, натурель, натурель.

МИТЯ. Естественного.

БАБА ИРА. А, да, конечно.

ОЛЬГА. Хочется иногда самой отрезать сыр. Ну, ясно, конечно. И здесь это уже ваша недоработка. Я сразу узнала рокфор, с этой голубизной.

БАБА ИРА. Что?

МИТЯ. Бабуш... Графиня плохо слышит, знаете.

ОЛЬГА. Рокфор. Это ваша недоработка! Надо было всё делать натурель, а ля рус, как эти декорации.

МИТЯ. Конечно. Но как мы могли рисковать. Все продукты у нас...

БАБА ИРА. Обычные продукты.

ОЛЬГА. Да, и это недоработка. Мы устали уже от обычных продуктов. Хочется чего-то русского. Хотя колбаса, этот вкус ни с чем не перепутаешь. Зря вы её не ели. Я съела её очень много, особенно на природе. Я сразу узнала мой любимый андуэт. А Гарик съел - не счесть. Это такая удача - всё так придумать. Сразу чувствуется рука творческих людей. Я уверена, что вы пару месяцев всё готовили и продумывали. Так жаль, что я так поздно узнала. А ваше турне по Европе. Всё так быстро.

БАБА ИРА. Тань, лыбишься слишком. Заметят. Не лыбься.

МАМА ТАНЯ. Не могу сдержаться.

БАБА ИРА. Не лыбься.

На веранду заходят Катя, Лёша и Марина.

ОЛЬГА. О! Катя Лёха! Я очарована! Я без ума от вашего творчества. Почему же так несправедлива жизнь. Такой талант! Такие краски! А этот постоянный зелёный цвет на всех полотнах.

МАРИНА. У Кати Лёхи сейчас зелёный период. Это общеизвестно.

ОЛЬГА. Я знаю. Я понимаю. Я впечатлена!

Ольга подходит к картинам.

ОЛЬГА. Гарик, иди сюда. Ты посмотри.

ГАРИК. Ага.

ОЛЬГА. Это надо повесить у нас.

ГАРИК. Ага.

ОЛЬГА. Митя, ведь правда, да? Это же у самого Олифрен Олифрана висит?

БАБА ИРА. И у Жан Жака Гофрана из этой серии тоже есть.

ОЛЬГА. И даже у Жан Жака!? Гарик, ты слышал?

ГАРИК. Ага.

ОЛЬГА. Это так удачно впишется в мою гостиную. А вот это в наш дом на озере, Гарик!

ГАРИК. Ага.

ОЛЬГА. Это такие цвета! А эту я хочу повесить в спальне. Катя — вы гений!

КАТЯ. Это моя лучшая работа.

ОЛЬГА. Да, столько экспрессии, столько чувств, столько силы, энергии!

КАТЯ. Называется «Вулкан смерти».

ОЛЬГА. Я так и думала. Гарик!

ГАРИК. Ага.

ОЛЬГА. Катя, я так переживаю за вас. Но меня предупредили.

Катя отворачивается.

ОЛЬГА. Я понимаю. Я так наслышана о вас, Митя!

МИТЯ. Да!

ОЛЬГА. Я хотела сделать вам комплимент.

МИТЯ. Слушаю с радостью.

ОЛЬГА. Прошлой зимой мы с Гариком... да, Гарик?

ГАРИК. Ага.

ОЛЬГА. Мы были на вашем спектакле. Все только о вас и говорят. Вы талантливый режиссёр. Эти ваши работы «Стул переворачивается», «Туда, обратно и назад». Это чудо!

МИТЯ. А вы были, наверное, на «Смотри то, не знаю что»?

ОЛЬГА. Да, да... Конечно. Я плохо запоминаю длинные названия. Гарик, ты помнишь этот спектакль?

ГАРИК. Ага.

ОЛЬГА. Митя, скажите, мне мадам Тайнинская очень напоминает одну гадалку. Я всё присматриваюсь к ней. *(Тихо.)*

МИТЯ. Что вы! Какая ерунда!

ОЛЬГА. Так похожа.

МИТЯ. Это только сходство.

ОЛЬГА. Я ходила к одной на Чистых прудах.

МИТЯ. Тайнинская уже лет двадцать живёт за границей.

ОЛЬГА. Простите. Хорошо, что я её не стала спрашивать. Был бы конфуз.

МИТЯ. Именно!

ОЛЬГА. Митя, а теперь со шведом. Он такой странный.

МИТЯ. Он же швед.

ОЛЬГА. Неужели они все такие? Я не была в Швеции.

Митя и Ольга подходят к Лёше.

МИТЯ. Ольга Борисовна Васильева ден берёмда дярэн дум крокиг у тек.

ОЛЬГА. Как хорошо вы говорите. Это по-шведски?

МИТЯ. Да.

ОЛЬГА. Вы знаете по-шведски?

МИТЯ. Немного научился.

ОЛЬГА. О, а переведите ему, что мне так нравится его творчество, его инсталляции.

МИТЯ. Ден хяр дарен гиллар дит скряп.

ОЛЬГА. Что-то он не понимает.

МИТЯ. Он в своих мыслях. Вы же понимаете — гений, художник.

Митя незаметно даёт пинок Лёше.

ЛЁША. Ассемблер пасрер фид скам патч ник роутер.

ОЛЬГА. Что он сказал?

МИТЯ. Он рад вас видеть здесь и приветствовать вас. Он рад, что вам понравились его инсталляции.

ОЛЬГА. Он говорил короче.

МИТЯ. Шведский очень короткий язык.

ОЛЬГА. Конечно. А скажите ему вот ещё что.

МИТЯ. Мы утомляем Лекса. Он устал. Посмотрите на него.

ОЛЬГА. Конечно.

МИТЯ. И, Ольга, я скажу честно. Следующая за вами - Харькова. А братья Красиные уже рвут и мечут.

ОЛЬГА. Я поняла! Поняла. Не могу оторвать глаз.

Ольга ближе подходит к инсталляции Лёши.

ОЛЬГА. Это такая тонкая работа! Это такой гениальный посыл нашему миру! Вы посмотрите, эти провода, эти досточки! Это же...

МИТЯ. Называется «Смысл жизни — Рассвет Заката».

ОЛЬГА. Да, да, да... Я так и думала. Закат цивилизации, оторванность от корней, а вот это символизирует полёт в космос, а это дети. Да, тут дети. Я вижу детей.

ЛЁША. Она обкурилась.

ОЛЬГА. Что он сказал?

МИТЯ. Это по-шведски. Он понимает ваше восхищение. Вы угадали его замысел.

ОЛЬГА. Какой шведский короткий язык! Надо его учить. Митя, вы можете?

МИТЯ. Я уезжаю.

ОЛЬГА. Да, да, да... Гарик, надо нанять преподавателя.

ГАРИК. Ага.

ОЛЬГА. Он понимает только в деньгах.

МИТЯ. Такой мир.

ОЛЬГА. Увы. Им всем далеко до наших чувств.

На веранду врывается Харькова.

ХАРЬКОВА. Я так и думала!

ОЛЬГА. О, Боже! Гарик!

ХАРЬКОВА. Митя! Так нельзя! За моей спиной!

МИТЯ. Елена Николаевна, мы просто общаемся.

ХАРЬКОВА. Вижу! Я хочу поговорить о покупке работ!

ОЛЬГА. Хабалка!

ХАРЬКОВА. Что!

ОЛЬГА. Леночка, это я не тебе. Это я шведу.

ХАРЬКОВА. Я хочу честности.

МИТЯ. Пожалуйста, работы продаются. Берите, выбирайте.

ХАРЬКОВА. Я уже выбрала. Я беру эти модели. Эти и эти картины. И вот эту штуку. *(Показывает на ведро с досками.)* Кто-то против?

МИТЯ. Я не знаю, может, ещё кто-то захочет купить. Но если вы первая.

ХАРЬКОВА. Я первая.

ОЛЬГА. Старая дура.

ХАРЬКОВА. Что?

ОЛЬГА. Леночка, у тебя такой вкус.

ХАРЬКОВА. Сама знаю.

МАРИНА. А зачем вам эти модели?

ХАРЬКОВА. А, эксперт...

МИТЯ. Она просто интересуется.

ХАРЬКОВА. Кто-то ещё их хочет!?

МИТЯ. Нет, нет — вы первая.

ХАРЬКОВА. Или вы думаете, они на меня не налезут.

МИТЯ. Они вам очень пойдут.

ХАРЬКОВА. Не дома я в них ходить буду. Это на приём в посольство Италии, а это на вечеринку надену. Вот это как раз под цвет туфель. Ясно!?

ОЛЬГА. Всё же, я не понимаю. Вот эту картину я первая выбрала.

ХАРЬКОВА. Ты хотела сказать, что я её первая выбрала, да!?

ОЛЬГА. Гарик!

ГАРИК. Ага.

ОЛЬГА. Гарик!

МИТЯ. Я думаю, мы устроим аукцион.

ХАРЬКОВА. Что!?

МИТЯ. Ну, никак иначе.

ХАРЬКОВА. Уступи мне! Слышь, Ольга! А то...

ОЛЬГА. Так всегда... Гарик!

ГАРИК. Ну, уступи ты ей. Жалко что ли!

ХАРЬКОВА. Вот, за что я тебя и люблю, Гарик Петрович!

ГАРИК. Ага.

ОЛЬГА. Гарик!

МИТЯ. Ольга, мы сделаем вам бесплатный презент.

ХАРЬКОВА. Что!

МИТЯ. Давайте определяться с ценой. Ольга, сколько вы готовы заплатить? Что скажет эксперт. Марина!?

ОЛЬГА. Я не думала о деньгах.

МИТЯ. Что вы берёте?

ОЛЬГА. Я беру эти картины. Эту, ладно, бери Леночка. Ладно. И вот эту инсталляцию.

МИТЯ. Хорошо.

ОЛЬГА. И ещё вот те, что мне понравились. Что на улице. Но по цене мне сложно сказать. Это же бесценно.

МИТЯ. Это верно.

ОЛЬГА. Я не знаю.

МАРИНА. Ну, оценивая эти вещи, можно сказать, что...

Митя пытается что-то показать жестами Марине.

МИТЯ. Так, что вы скажете, Марина?

МАРИНА. Основываясь на опыте и рынке, и последних аукционах в Лондоне и Тель-Авиве...

ОЛЬГА. Да.

МАРИНА. Ну, сто.

ОЛЬГА. Сто! О, Боже! Так дорого?

Митя показывает жестами Марине и грозит ей.

МАРИНА. Но, учитывая аукцион в Вене, недавний, вы помните, думаю, что авторы не будут против, если цена будет восемьдесят.

ХАРЬКОВА. Рублей или долларов. Всегда вы темните, эксперты фиговы. Говорили бы чётко. А то намутят!

ОЛЬГА. Правда, рублей или долларов?

МАРИНА. Рублей.

ОЛЬГА. О... отлегло... как хорошо! Мы берём. Гарик....

ГАРИК. Многовато.

ОЛЬГА. Гарик, это бесценно.

ХАРЬКОВА. Да уж. Отхватила, подруга!

ОЛЬГА. Заплатить за такое чудо всего восемьдесят миллионов рублей - это просто даром. Сегодня хороший день.

МИТЯ. Что?

Митя, Баба Ира, Мама Таня, Марина, Катя, Лёша - все в шоке.

БАБА ИРА. Тань, она про что?

МАМА ТАНЯ. Тише ты, вроде как нам эти миллионы заплатит.

БАБА ИРА. Нас убьют.

МАМА ТАНЯ. Отобьёмся.

МАРИНА. Да, Ольга, поздравляю. И ещё... Я обещала, и в качестве вознаграждения мы вам дарим инсталляции «Жёлтое безумие» и «Зовущий порыв».

ХАРЬКОВА. Щас! «Зовущий порыв» - мой.

ОЛЬГА. Что!?

ХАРЬКОВА. Мой. Не отдам.

ГАРИК. Оля, не связывайся. Отдай.

ОЛЬГА. Гарик!

ГАРИК. Отдай.

ХАРЬКОВА. Моё, говорю!

ОЛЬГА. Гарик!

ХАРЬКОВА. Всё, купили - теперь идите! Мой черёд, слышали!?

ОЛЬГА. Гарик! Что-то у меня от нервов живот болит. Извините. Гарик!

К Ольге подбегает Катя, и они с Гариком уходят. Ольге явно плохо.

ОЛЬГА. Митя... А по деньгам, я завтра приеду. Днём. И заберу всё.

МИТЯ. Да, конечно.

ОЛЬГА. Сейчас я разнервничалась...

ХАРЬКОВА. О, даёт! И так!

МИТЯ. Да.

ХАРЬКОВА. А что! Мне не нужен эксперт. Я даю миллион долларов. И без торга. И без рублей. Поняли!? Вопросы есть!

МИТЯ. Надо спросить...

ХАРЬКОВА. Вопросов нет. Вот это и это, и те, и вон те я беру. Завтра приедет мой охранник с ребятами. Привезёт тебе, Митя, деньги. А!? Вопросы есть!?

МИТЯ. Понял.

ХАРЬКОВА. А то эксперты, Олифран Олифрен тут всякий. Знай наших! У нас покруче будет, чем у ваших забугорных Олифренов. Мы тоже могём! Вот! Вон, смотри, эксперты идут. Гомики, гномики. Смотреть противно! Пока всем.

МАРИНА. До свидания!

МИТЯ. Я вас провожу.

ХАРЬКОВА. Не надо. И смотри, «Зовущий порыв» - мой. В зимний сад поставлю. Отдашь кому - придушу!

МИТЯ. Да, да...

Харькова уходит. На веранду врываются Красины.

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Смотри. Это же то, что я хотел!

КРАСИН ВТОРОЙ. А ты видел цвет!

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Какая задумка!

КРАСИН ВТОРОЙ. А...

БАБА ИРА. Это «Сладострастие».

КРАСИН ПЕРВЫЙ. О! Графиня, вы чудо, вы гениальны!

КРАСИН ВТОРОЙ. Такая работа! Такие цвета!

МИТЯ. Вот эти проданы. А остались эти модели.

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Нам так нравятся.

КРАСИН ВТОРОЙ. Такого нигде не видели.

БАБА ИРА. Это же женское. *(Мите.)*

МИТЯ. Бабушка! Им всё равно. *(Тихо.)*

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Я хочу одеваться только у Вас, графиня. За любые деньги.

КРАСИН ВТОРОЙ. И я.

МИТЯ. О нет... Графиня сейчас не так часто работает.

БАБА ИРА. Но почему же.

МИТЯ. Графиня сейчас не так часто работает.

БАБА ИРА. Я могла бы ещё сделать.

КРАСИН ПЕРВЫЙ. О, графиня.

МИТЯ. Графиня позабыла, что она уезжает. Уезжает!

КРАСИН ВТОРОЙ. Как жаль.

МИТЯ. И так, вы хотите купить эти модели.

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Конечно.

КРАСИН ВТОРОЙ. Обязательно.

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Братик, смотри, а это можно в субботу надеть в клуб.

КРАСИН ВТОРОЙ. Точно, как мило! Это так сексуально!

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Так вызывающе! Братик, ты слышал, сам Жан Жак Гофран это носит.

КРАСИН ВТОРОЙ. У меня уже всё переворачивается внутри от такой мысли.

МАРИНА. А вы знаете Жан Жака?

КРАСИН ВТОРОЙ. Милочка, ну мы весь Париж знаем. И уж тем более Жан Жака Гоффрана.

БАБА ИРА. И, конечно, Олифрен Олифрана?

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Ну, конечно. От него я просто балдею. Это мой кумир.

ЛЁША. Вот придурки разошлись.

МАРИНА. Тихо тебе.

МИТЯ. Так, ближе к делу.

МАРИНА. Учитывая последний показ в Милане.

БАБА ИРА. Вообще, я бы не хотела продавать эти работы.

МИТЯ. Ба... Графиня!

БАБА ИРА. Они мне дороги.

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Как!?

КРАСИН ВТОРОЙ. Что. Вы не продаёте?

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Братик!

КРАСИН ВТОРОЙ. Не волнуйся!

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Как же так!

КРАСИН ВТОРОЙ. Полмиллиона!

МИТЯ. Ну...

БАБА ИРА. Нет, я же сказала. Эта коллекция мне дорого далась.

КРАСИН ВТОРОЙ. Полмиллиона долларов!

МИТЯ. Что!?

БАБА ИРА. А... Ну, какие милые ребята! Хорошо... Ладно...

КРАСИН ПЕРВЫЙ. У меня всё бурлит!

МАМА ТАНЯ. Они переели колбасы.

ЛЁША. Тише.

КРАСИН ВТОРОЙ. Это чудо!

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Но у нас нет таких денег сейчас.

МИТЯ. Нет!?

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Но вы никому не отдавайте! Мы завтра днём привезём. Как, наличными?

МИТЯ. Конечно.

КРАСИН ВТОРОЙ. Завтра. Не волнуйся братик.

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Вы же никому не отдадите?

МИТЯ. Нет. Нет. Приезжайте завтра.

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Что-то я разволновался. Что-то у меня всё переворачивается, братик.

КРАСИН ВТОРОЙ. Меня тоже мутит от этой интриги. Я так давно не возбуждался.

КРАСИН ПЕРВЫЙ. Что-то живот болит от нервов.

МАРИНА. Митя, у нас туалетов на них не хватит. *(Мите тихо.)*

МИТЯ. Пойдёмте.

Митя уводит братьев Красиных, которые явно себя чувствуют плохо.

МАРИНА. Это что! Столько денег!

МАМА ТАНЯ. Бабушка, зачем ты сказала, что не хочешь продавать?

БАБА ИРА. Это торг. Я же вижу...

ЛЁША. Офигеть! Вот умора! Митька — это гений!

МАРИНА. Неужели они ничего не понимают.

Входит Катя.

МАМА ТАНЯ. Видать, ничего.

КАТЯ. Вы видели, как картины мои идут. Как они глаза-то вытаращили! Как они все смотрели...

БАБА ИРА. А где Мишка?

МАМА ТАНЯ. Смотри, вон он.

БАБА ИРА. А с ним кто?

МАРИНА. Харькова.

МАМА ТАНЯ. А что они делают?

БАБА ИРА. Идут сюда.

МАМА ТАНЯ. Зачем?

На веранду из сада входят Дядя Миша и Харькова.

ДЯДЯ МИША. Видать, рожает, или что там у них бывает?

Харькова стонет.

БАБА ИРА. Колбасы обьелась.

Харькова навалилась на Дядю Мишу.

ХАРЬКОВА. Убейте меня. Как же плохо!

МАМА ТАНЯ. Надо её откачать.

БАБА ИРА. Зачем?

МАМА ТАНЯ. А наши деньги?

БАБА ИРА. А...

КАТЯ. Помрёт, не видать наших денег.

ЛЁША. Надо откачивать их всех.

ХАРЬКОВА. Видать, на приёме вчера икры переела. Надо красную есть.

БАБА ИРА. Правильно, правильно... Красную...

КАТЯ. Видать, на халяву эта что угодно готова съесть.

ЛЁША. Сегодня она, как лошадь, ела.

ХАРЬКОВА. Чёрная - поддельная, сука...

БАБА ИРА. Точно, только красную и ем.

ХАРЬКОВА. Только красную...

БАБА ИРА. Конечно, конечно...

Катя, Баба Ира, Дядя Миша, Лёша уносят Харькову.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Веранда. Утро. Стоят картины, инсталляции, модели. На веранде никого. Тихо. Со стороны улицы появляются мужчины в жёлтой форме. Один из них бригадир. Что-то между собой обсуждают. Заходят в дом, зажигают свет.

СЛУЖАЩИЙ ПЕРВЫЙ. Бардак тут.
СЛУЖАЩИЙ ВТОРОЙ. Мы тут закопаемся.
СЛУЖАЩИЙ ТРЕТИЙ. Судя по этому всему..
СЛУЖАЩИЙ ПЕРВЫЙ. Тут живут какие-то сумасшедшие.
БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Так, а они не говорили, что у них здесь столько мусора.
СЛУЖАЩИЙ ВТОРОЙ. Не говорили?
БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Ну, говорили, что надо очистить веранду, стол вынести, что доски какие-то, тряпки. Но про количество не говорили.
СЛУЖАЩИЙ ПЕРВЫЙ. Эти заказчики всегда так.
СЛУЖАЩИЙ ТРЕТИЙ. Как?
СЛУЖАЩИЙ ПЕРВЫЙ. Ну, за копейки хотят всё. Говорят: стол, стул, а приезжаешь - там целый склад.
БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Ну, наше дело маленькое. Сказали выносить — значит, выносить.
СЛУЖАЩИЙ ВТОРОЙ. Контейнер под мусор приехал.
БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Паркуется? Выносим это.
СЛУЖАЩИЙ ТРЕТИЙ. Какая-то помойка тут.
БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Кучи во дворе надо убрать, А то ходить мешают.

Служащие клининговой компании принимаются за дело. Один сдирает клеёнки с живописью и сваливает в кучу. Другой выносит инсталляции. Третий берёт манекены и уносит их. Периодически звучит ритмическая музыка в такт движениям служащих.

СЛУЖАЩИЙ ВТОРОЙ. Смотри-ка, таблички прикрепили: «Сладострастие».
СЛУЖАЩИЙ ТРЕТИЙ. Юмористы.
БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Там во дворе жратвы полно.
СЛУЖАЩИЙ ПЕРВЫЙ. Может, здесь бомжи обитали?
СЛУЖАЩИЙ ВТОРОЙ. Не похоже.
СЛУЖАЩИЙ ТРЕТИЙ. Кто знает.

Бригадир служащих останавливается и, пока они выносят, рассказывает им.

БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Я тут на прошлой неделе в одном доме работал, ну, на Рублёвке. Не дом, а дворец, типа Эрмитажа. Чудные люди!
СЛУЖАЩИЙ ПЕРВЫЙ. А что, почему чудные?
БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Да я и не люблю так работать – трясешься, боишься.
СЛУЖАЩИЙ ВТОРОЙ. Ну да.
БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Там после ремонта уборку заказали.
СЛУЖАЩИЙ ТРЕТИЙ. И что?
БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Ну, убираемся. А там куча лежит. Смотрю - вроде мусор. Говорю ребятам, тащите.
СЛУЖАЩИЙ ВТОРОЙ. Ну и что?
БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Как что, прибежал хозяин, орёт благим матом. Оказалось, что это какой-то японец или китаец им фэн-шуй делал, или как там это всё называется. Потом Борисыч меня распекал.
СЛУЖАЩИЙ ПЕРВЫЙ. Так может, это у них тоже фэн-шуй всё?
БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Да брось ты. Это же видно, что дрянь какая-то.
СЛУЖАЩИЙ ПЕРВЫЙ. Кто их знает, смотри!

БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Неси. Надо управиться, мусор вынести. Работы тут полно.

СЛУЖАЩИЙ ВТОРОЙ. Может, лучше завтра бы начали, как планировали?

БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. Да ладно. Завтра основную часть начнём. Сейчас всё равно мимо ехали с того заказа. Завтра позже начнём.

СЛУЖАЩИЙ ВТОРОЙ. Как знаешь.

БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. А что!/? Ну, им то что, завтра или сегодня. Всё по одной дороге. Долго ещё?

СЛУЖАЩИЙ ПЕРВЫЙ. Заканчиваем.

БРИГАДИР СЛУЖАЩИХ. А завтра и девочки придут, и экономия фирме. Ну, давайте. Я пошёл. Уносите всё. Закрывайте.

Бригадир служащих уходит. Веранда пустеет. Служащие выносят практически всё с веранды.

СЛУЖАЩИЙ ПЕРВЫЙ. Ну, всё.

СЛУЖАЩИЙ ВТОРОЙ. Чисто.

СЛУЖАЩИЙ ПЕРВЫЙ. Дом, что потом?

СЛУЖАЩИЙ ВТОРОЙ. Сергеич, бригадир, сказал, что потом.

СЛУЖАЩИЙ ТРЕТИЙ. Поехали тогда.

Служащие уходят и гасят свет. Веранда пуста.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

Пустая веранда. Утро. На веранду в халате выходит из дома Баба Ира. С удивлением смотрит на пустую веранду.

БАБА ИРА. Не поняла. А куда всё делось!/?

Баба Ира открывает дверь на улицу и смотрит туда.

БАБА ИРА. Ничего не понимаю.

С улицы идёт Дядя Миша.

ДЯДЯ МИША. Баба Ир, слышь, а ты вино не выливала? Думал, останется. И столы пустые. Только крошки. А что тут у тебя? Куда ты всё дела?

БАБА ИРА. Всё пропало, Мишка. Не понимаю.

ДЯДЯ МИША. Что не понимаешь? Ни одной бутылки. Оставалось же! Выпить хотел.

БАБА ИРА. Я прихожу, а тут ничего нет.

ДЯДЯ МИША. Ты что!/?

БАБА ИРА. Костюмов нет, манекенов нет, картин нет, лёшкиной ерундовины нет. Танькиного ведра нет. Ничего нет.

ДЯДЯ МИША. И правда! Мистика. Кому понадобилось?

БАБА ИРА. Мы же продали это! Понимаешь!

ДЯДЯ МИША. Да что тут не понять.

БАБА ИРА. Миллионы украли! Обокрали!

ДЯДЯ МИША. Да какие миллионы?!

БАБА ИРА. Сотни миллионов. Харькова, Васильева, братья Красиные. Они же нас прибьют!

ДЯДЯ МИША. Да подожди. Может, они сами это и забрали?

БАБА ИРА. Прямо утром!?

ДЯДЯ МИША. Ну а что?

БАБА ИРА. Надо всех будить! В историю попали.

ДЯДЯ МИША. Ну почему?

БАБА ИРА. Иди, буди. Ты представляешь! Приедет Харькова и спросит, где её «Зовущий порыв»!

ДЯДЯ МИША. И что?

БАБА ИРА. Как что, а «Зовущего порыва» и нет.

ДЯДЯ МИША. Соорудим ещё...

БАБА ИРА. Да там полно ещё было. А Васильева с Гариком, а эти мальчишки-спальчики, а остальные! Иди, буди!

Дядя Миша уходит.

БАБА ИРА. Чувствовала! Надо было стоять тут ночью, караулить. Как чувствовала! И кошмары снились: человечки какие-то жёлтые с усиками. Боже мой! Куда мы катимся, людей обкрадывают!

На веранду из дома входит Мама Таня.

БАБА ИРА. Смотри, Тань. Ужас какой!

МАМА ТАНЯ. Что... что случилось?!

БАБА ИРА. Украли. Всё украли!

МАМА ТАНЯ. Как!?

На веранду выходят из дома Катя и Лёша.

КАТЯ. А что случилось?

ЛЁША. Будить-то зачем? Пожар, наводнение?

КАТЯ. Это вы что, уже всё увезли?

ЛЁША. А где мои провода? Не понял!

Входит Митя.

БАБА ИРА. Всё украли! Утром встаю, иду сюда - и ничего нет.

Входит Дядя Миша.

ДЯДЯ МИША. И что странно, и всю еду со двора забрали. Кошки, собаки, голуби? Вино же не пьют они!?

МИТЯ. А что!? Куда всё делось-то!? Бабушка!?

БАБА ИРА. Украли, Митя! Украли!

МИТЯ. Кто украд!?

БАБА ИРА. Не знаю. Говорю: встаю, а ничего нет.

МИТЯ. Сейчас.

Митя выбегает с веранды во двор. Из дома в это время выходит Марина.

МАРИНА. А что у вас тут?

МАМА ТАНЯ. Наше творчество украли.

МАРИНА. Кому оно нужно!?

ДЯДЯ МИША. Замки не тронуты. Мистика.

Возвращается Митя.

МИТЯ. Всё пусто. И ворота не взломаны.

ЛЁША. Улетело.

КАТЯ. Не смешно.

МАМА ТАНЯ. Ужас!

БАБА ИРА. Как быть!?

МАМА ТАНЯ. Беда какая!

МАРИНА. Ничего не понимаю!

МИТЯ. Всё, что мы делали — исчезло. Просто исчезло!

ДЯДЯ МИША. Ну как могло всё взять и исчезнуть?

БАБА ИРА. Не могли же мои манекены улететь?

ЛЁША. И уж тем более мой агрегат!

МИТЯ. Но факт есть факт. Мы не имеем наших работ. Через пару часов сюда приедут охранники Харьковской и эта Ольга, и эти Красиные.

МАРИНА. А как же так могло получиться?

МИТЯ. Никто ничего не слышал?

КАТЯ. Мы спали.

МАМА ТАНЯ. Я немного выпила.

ДЯДЯ МИША. Немного... ха!

МАРИНА. Я слышала голоса.

ЛЁША. Голоса она слышала...

БАБА ИРА. А мне снились жёлтые человечки.

МАМА ТАНЯ. Бабушка, ты какие таблетки пьёшь?

БАБА ИРА. Правда!

МАРИНА. Нет, ну я отчётливо слышала голоса, и они говорили про фэн-шуй.

МАМА ТАНЯ. И эта туда же...

МИТЯ. Нам надо что-то делать!

МАМА ТАНЯ. А ясно, что делать?

МИТЯ. Что?

БАБА ИРА. Она имеет в виду, что надо ноги делать и быстрее!

МИТЯ. У нас нет денег. Последние я отдал на это мероприятие.

МАМА ТАНЯ. А вчера же что-то получили?

МИТЯ. Отдал посреднику.

МАРИНА. Тому противному типу?

МИТЯ. Да, он приезжал. И как не смешно, мы ему остались ещё должны. Весело!

БАБА ИРА. Ой, не в первый раз.

МИТЯ. Зря ты бабушка торговаться с Красиными стала. Заплатили бы — хоть что-то было.

БАБА ИРА. Я же как лучше хотела.

МАМА ТАНЯ. Выкрутимся.

БАБА ИРА. Ребята, на сборы - час. Берём только необходимое.

МАМА ТАНЯ. Жаль.

БАБА ИРА. Надо собираться. Потом будем жалеть.

ДЯДЯ МИША. Поехали! Лёха, Катя, за мной.

Лёша, Катя, Баба Ира, Мама Таня уходят. Марина и Митя остаются.

МАРИНА. Знаешь, а я бы испугалась, если бы у меня было столько денег.

МИТЯ. Ты бы не знала, как их потратить?

МАРИНА. Я никогда не имела столько денег.

МИТЯ. И я.

МАРИНА. Как люди живут со столькими деньжищами?

МИТЯ. Живут.

МАРИНА. Ты не волнуйся. Я, может, и наивная, простая, но я работать могу. Мне зарплату платят в музее. А на даче картошку сажаем. К нам приезжайте. Все вместе.

МИТЯ. А твои не испугаются?

МАРИНА. Нет.

МИТЯ. И что ты им скажешь?

МАРИНА. Скажу, что это Митя.

МИТЯ. Просто Митя?

МАРИНА. Мой жених.

МИТЯ. Кто?

МАРИНА. Жених. А это его семья. Им негде жить.

МИТЯ. Иди сюда.

МАРИНА. Зачем?

МИТЯ. Иди.

Митя обнимает Марину.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Пустая веранда. Баба Ира смотрит в окно. Входит Дядя Миша.

ДЯДЯ МИША. Ну что, сюда что ли всё тащить, а?

БАБА ИРА. Тащи!

ДЯДЯ МИША. А ты чего?

БАБА ИРА. Да так. Иди.

Дядя Миша уходит. Митя приносит костюмы в чехлах, видит Бабу Иру.

МИТЯ. Бабушка, ты что?

БАБА ИРА. Когда я была маленькой, мы жили в большом доме, как этот. Было тепло. Росли абрикосы, виноград. Зимы практически не было. И казалось, что будет всегда так. Как листья, всё опало. Никого не осталось. Никого. Кто просто умер, а кто...

Баба Ира закрывает лицо. Митя подходит к ней.

МИТЯ. Бабушка, не надо.

БАБА ИРА. Как мне их иногда всех жаль. Я гоню всё это, а не могу. Как же больно!

МИТЯ. Бабушка, ну что ты!

БАБА ИРА. Кому всё мешало? Почему они все такие жестокие? Убивают, насилуют. Эти деньги, богатство, власть... Почему же нельзя просто жить... как нормальные люди?

МИТЯ. Бабушка, всё будет хорошо.

БАБА ИРА. И опять пустота. Новый дом, новые места. И опять ничего.

МИТЯ. Я есть у тебя, ты есть у меня. Мы все есть.

БАБА ИРА. И я каждый раз говорю ему спасибо.

МИТЯ. Кому?

БАБА ИРА. За то, что вы есть. Не оставляй нас надолго. Мы так всегда все волнуемся!

МИТЯ. Бабушка...

БАБА ИРА. Я пойду собираться.

Дядя Миша выносит рюкзаки, какие-то вещи. Мама Таня и Катя выносят и складывают вещи в кучу.

МИТЯ. Я помогу тебе.

Баба Ира и Митя уходят.

ДЯДЯ МИША. Эй, смотрите.

КАТЯ. Что тебе?

МАМА ТАНЯ. Миш, правда, не отвлекай. Делом заняты.

ДЯДЯ МИША. Ну правда, смотрите. Вон туда.

КАТЯ. Что тебе?

ДЯДЯ МИША. Мужик там крутится, всё высматривает. Странный какой-то.

МАМА ТАНЯ. И правда. Что ему нужно?

ДЯДЯ МИША. Может, пойти, поговорить с ним.

КАТЯ. Может, и пойти.

МАМА ТАНЯ. Не надо. Митю надо позвать.

ДЯДЯ МИША. Он сюда идёт.

МАМА ТАНЯ. Я за Митей.

Мама Таня уходит. За ней Катя. К веранде приближается Порчак, заглядывает в окно, видит Дядю Мишу. Приветственно машет ему. Входит.

ПОРЧАК. Здравствуйте! Ничего, что рано? Я боялся вас не застать. Я знаю, всё знаю. Можете мне не объяснять. Но я торопился. Знаю, что уезжаете. Поэтому и торопился.

ДЯДЯ МИША. Откуда знаете?

ПОРЧАК. Ну, вся Москва это обсуждает.

ДЯДЯ МИША. Вся?

ПОРЧАК. Я имею в виду, творческая, культурная Москва. Это же такое событие! Я вас поздравляю! Я вас таким и представлял.

ДЯДЯ МИША. Каким таким?

ПОРЧАК. Режиссёр таким и должен быть, как военный, с таким волевым лицом, такими глазами, жёстким...

ДЯДЯ МИША. Режиссёром? Кто режиссёр?

ПОРЧАК. Ну, вы, вы... Вы же Митя Чёрный? Правильно?

На веранду из дома входит Митя.

ДЯДЯ МИША. Митя... Чёрный?

ПОРЧАК. Да, Митя Черный.

ДЯДЯ МИША. Это вам вон, к нему. А я Миша Белый.

ПОРЧАК. Белый!?

ДЯДЯ МИША. Белый. Псевдоним.

ПОРЧАК. Извините.

МИТЯ. Что случилось? Вы кто?

ПОРЧАК. Я извиняюсь. Вы — Митя Чёрный?

МИТЯ. Митя. Да.

ПОРЧАК. Это отлично.

МИТЯ. Допустим.

ПОРЧАК. Я торопился вас застать. Я всё знаю.

МИТЯ. Что знаете!?

ПОРЧАК. Что вы сегодня же уезжаете.

МИТЯ. Уезжаю.

ПОРЧАК. Всё понимаю, но не уезжайте, останьтесь.

МИТЯ. Вы что!?

ПОРЧАК. Прошу вас, не уезжайте!

МИТЯ. Да что происходит!?

ДЯДЯ МИША. Станный тип.

ПОРЧАК. Понимаю, вас ждёт Париж, Вена, Барселона и Лондон.

МИТЯ. Что?

ПОРЧАК. Да, да... Я всё знаю. Я смотрел ваши спектакли. Я в восторге! Я преклоняюсь перед вашим гением, вашим мастерством. Вся Москва только о вас и говорит. Это гениально! Гениально! Я буду просто валяться перед вами, но не уезжайте!

МИТЯ. Да вы что!?

ПОРЧАК. А ваш спектакль «Забор опять, забор ещё, и снова наш забор» - это вообще новое слово в искусстве, в театре. Вы понимаете, что нельзя сейчас уезжать. Да, Вена, да, Париж. Но у нас мы можем дать условия и лучше.

МИТЯ. Я не понимаю.

ПОРЧАК. Извините, я сумбурно говорю. Я волнуюсь. Я не часто говорю с гением. Извините, я министр культуры.

ДЯДЯ МИША. Какой министр?

ПОРЧАК. Областной министр культуры. Есть такой северный город Ковск. Такая область. Вы же слышали? Это старый русский город.

ДЯДЯ МИША. Слышали.

МИТЯ. Ну, да.

ПОРЧАК. Я министр. Можно сказать, поднимаю там культуру. Это так трудно заниматься новой отраслью после коммунального хозяйства!

МИТЯ. Что?

ПОРЧАК. Моя фамилия Порчак. Сергей Сергеевич Порчак. Министр культуры Ковской области.

МИТЯ. Хорошо.

ПОРЧАК. Понимаете. Ну, вы читали, слышали? Ведь слышали!?! У нас совсем недавно

сменился губернатор.

МИТЯ. Не помню.

ПОРЧАК. Замечательный человек! Борец! Сколько инициатив он выдвинул! Эта область уже давно ждала такого человека. Сам он не местный, да и я не оттуда. Но вы не представляете, в каком упадке там всё. А уж о культуре и говорить не приходится. Что и говорить, живут как раньше, по старинке.

МИТЯ. Ну и пусть живут. Мне какое дело?!

ПОРЧАК. Сейчас, сейчас... Извините. Дело в том, что губернатор, ну, и его жена, пошли в местный Ковский театр. Ну, это убожество, играют как раньше, несовременно, без драйва, какие-то слёзы, страдания. Ну, разве это можно! Им не понравилось.

МИТЯ. Кому им?

ПОРЧАК. Губернатору и его жене.

МИТЯ. Ну и что? Зачем мне это?

ПОРЧАК. Они там, представляете, развели в этом театре богадельню. Молодёжи мало, спектакли нафталинные, не современно. Нет того, чтобы зажигало.

МИТЯ. Огонь на сцене, например, зажечь, воду налить, артистов на ролики поставить и скейтборды?

ПОРЧАК. Вот-вот. Я так и понимал, что найду в Вас понимание. Мне губернатор так примерно и сказал. И я пошёл к бывшему главному режиссёру.

МИТЯ. Почему бывшему?

ПОРЧАК. Мы его уволили.

МИТЯ. Шустро.

ПОРЧАК. А зачем его оставлять. Я ему и говорю, что надо что-то делать, что надо...

МИТЯ. Артистов на ролики ставить.

ПОРЧАК. Да, да... Именно.

МИТЯ. А он?

ПОРЧАК. Ни в какую: у нас театр, у нас имя, у нас история, у нас традиции...

МИТЯ. И что?

ПОРЧАК. Какие традиции? Это всё несовременно! Это туфта!

МИТЯ. От меня вы что хотите?

ПОРЧАК. Приезжайте к нам в Ковск.

МИТЯ. Что!?

На веранду из дома постепенно выходят все.

ПОРЧАК. Понимаю! Я не с пустыми руками.

МИТЯ. Ну да.

ПОРЧАК. Театру увеличен бюджет.

МИТЯ. После увольнения бывшего главного режиссёра?

ПОРЧАК. Да.

МИТЯ. И что?

ПОРЧАК. Мы предлагаем вам хорошую зарплату. Вот, приказ губернатора, смотрите.

Порчак показывает бумаги в папке.

МИТЯ. Не хило.

ПОРЧАК. Да, и больше того, делайте там, что хотите. Увольняйте артистов, берите артистов, ставьте, что хотите.

МИТЯ. Прямо так?

ПОРЧАК. Да.

МИТЯ. Как-то уж...

ПОРЧАК. Самое главное для нас...

МИТЯ. Для губернатора?

ПОРЧАК. Ну да.

МИТЯ. И что главное?

ПОРЧАК. Чтобы о театре говорили здесь, в Москве, в мире, чтобы о Ковске говорили.

МИТЯ. Вы хотите, чтобы я там у вас сделал что-то ультрамодное, сенсационное, шокирующее?

ПОРЧАК. Именно!

МИТЯ. Чтобы о постановке все говорили, писали, судачили... чтобы театр не вылезал из фестивалей и получал премии?

ПОРЧАК. Особенно премии. Это важно.

МИТЯ. Чтобы там не осталось ничего традиционного, старого, русского, советского...

ПОРЧАК. Да, да... Нам нужен новый театр.

МИТЯ. Театр визуальный, без слов, излишней литературы.

ПОРЧАК. Именно.

МИТЯ. Ясно.

ПОРЧАК. И что?

МИТЯ. Нет.

ПОРЧАК. Почему?

МИТЯ. Нет.

ПОРЧАК. Послушайте, в Ковске у вас будет шикарная квартира - четыре комнаты, дача на озере - хорошая дача, машина. Оплатим все ваши поездки - куда угодно. Делайте, что хотите. Ну что?

МИТЯ. А знаете...

ПОРЧАК. Слушаю.

МИТЯ. Я к вам поеду.

ПОРЧАК. Хорошо! Здорово!

МИТЯ. Но у меня условие.

ПОРЧАК. Да, все условия!

МИТЯ. Вот они все поедут со мной. Перед вами замечательные люди. Шикарный дизайнер и модельер, по-свойски - Бабушка Ира. Берёте?

ПОРЧАК. Конечно!

МИТЯ. И зарплату дадите?

ПОРЧАК. Конечно. Вы сами решаете.

МИТЯ. А вот замечательный писатель - Мама Таня. Она напишет много пьес. А вот Катя — талантливый художник. Она нарисует любые декорации и афиши. А вот Лёша... Он... ну, он музыкант... Он сочинит любую музыку - современную, конечно. А это Дядя Миша. Он замечательный актёр. А ещё лучше - он поёт. А это Марина. Это моя будущая жена. И она лучшая в мире и лучше всех знает культуру. И я поеду к вам только со всеми. Что?

ПОРЧАК. Согласны. Когда вас ждать?

МИТЯ. Прямо сейчас.

ПОРЧАК. Сейчас?

МИТЯ. Да. Вам же нужны шокирующие спектакли?

ПОРЧАК. Нужны.

МИТЯ. Вам же нужен театр, о котором бы судачили все критики?

ПОРЧАК. Нужен.

МИТЯ. Так пора начинать. Мы поставим, нарисуем, сколотим вам что угодно. Зашатаетесь!

Ну что?

ПОРЧАК. Прямо сейчас?

МИТЯ. Да, в Ковск и прямо сейчас. Разрушим ваши традиции до основания!

ПОРЧАК. Правильно! А под вас мы ещё финансирование выйдем. Вы то, что нам нужно!

МИТЯ. Поехали!

ПОРЧАК. Машина у ворот.

МИТЯ. Вперёд, на Ковск!

Порчак бежит с веранды.

ПОРЧАК. Надо же... Гений, гений... просто гений.

МИТЯ. Все собрались?

МАМА ТАНЯ. Митя, объясни.

МИТЯ. Новая авантюра. Один спектакль мы сыграли. Теперь будет другой.

КАТЯ. Мы справимся?

МИТЯ. Иначе и быть не может. Будем им создавать такие спектакли, которые они и ждут.

КАТЯ. Какие же?

МИТЯ. Убогие, бездушные, бесчеловечные... Но, главное, те, о которых будут писать и говорить, и считать современными. Поехали. В путь! У нас у всех будет теперь жильё, работа...

ЛЁША. И все мы там будем гениями...

МИТЯ. В путь!

Баба Ира, Дядя Миша, Мама Таня, Катя и Лёшка уходят с вещами. На сцене остаются Марина и Митя.

МАРИНА. Митя, а ты этого хочешь? Делать эти безумные спектакли, это безумное творчество?

МИТЯ. А у нас есть выбор?

МАРИНА. А как же твой театр?

МИТЯ. Я его создам!

МАРИНА. Создашь? Когда?

МИТЯ. Когда это станет нужным.

МАРИНА. А сейчас разве это не нужно?

МИТЯ. Нет, пошли. Ты со мной?

МАРИНА. Не знаю.

МИТЯ. Послушай. Театр, музыка - они же в нас. В тебе, во мне. Мы с тобой сделаем наш театр, где будем только ты и я, понимаешь! Наш! И мы будем там сами играть главные роли. Настоящие роли. И это будет наша жизнь - настоящая жизнь, где мы будем творцами. А это всё - мишура. Их жизнь такая же, как и их театры, их культура... Наше искусство — это наша душа. Разве не так.

МАРИНА. Хорошо, поехали.

МИТЯ. Иди. Я сейчас.

Марина уходит. Митя остаётся один, осматривает пустую веранду.

МИТЯ. Я — комедиант!? Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты — все они...

Звучит музыка. Митя уходит.

Свет гаснет.

Автор не возражает, если в спектакль будут вставлены музыкальные номера в исполнении героев пьесы, это только украсит спектакль. В спектакль можно включить и лиричные, и ритмичные музыкальные номера. Когда эта пьеса писалась, вспоминались многие песни из репертуара Андрея Миронова («Песня чёрного кота» (Г. Гладков, Ю. Энтин), «Песня Остапа» (Г. Гладков, Ю. Ким), «Я выхожу на сцену» (Я. Френкель, Р. Рождественский)) и Николая Караченцова («Загадочная русская душа» (Г. Гладков, Ю. Энтин), «Звёзды сошли с небес» (Е. Суржикова)).

Сентябрь 2020 г. - март 2021 г.
Москва.

В пьесе использованы:

Отрывок из пьесы А.Н. Островского «Лес»

Отрывок из пьесы А.П. Чехова «Чайка»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда в 2020 году в мире, и в России, произошло много плохого, жуткого (болезни, несправедливость, войны, насилие и часто равнодушие тех, кто не должен быть равнодушным), у меня появилось много сюжетов, задумок, но все они были связаны с драмой, трагедией и даже фантастикой. Я что-то писал, но мне очень не хотелось в тяжёлые дни писать что-то тяжёлое, драматичное. Мне хотелось сделать что-то лёгкое и жизнеутверждающее. И я думал, что же такое придумать, что же такое написать, чтобы было повеселее. В голову ничего не приходило, пока я не увидел на сцене одного актёра — Дмитрия Морозова, хорошо двигающегося, динамичного, яркого. И когда я сидел в зале и смотрел на этого молодого и талантливого человека, то постепенно что-то рождалось, что и вылилось в пьесу. Все остальные герои пьесы уже «прилепились» к нему.

Эта пьеса продолжает другую мою пьесу - «Пиарщики». Это такая гипертрофированная, нереальная история, которая никогда бы не могла случиться. Но это только с виду. Так или иначе, такие истории случаются и происходят. С другой стороны, это сказка. Сказка!? Если посмотреть сейчас новости культуры, то понимаешь, что такие выставки и ситуации, как в моей пьесе, — не редкость.

И конечно же, это семья. Мои герои живут в доме, который сами заняли, и у них нет каких-то перспектив и будущего. Но главное, что у них есть, — это те отношения, которые у них есть между собой, их семья. Они помогают друг другу, сочувствуют друг другу. Да, они не всегда честны, но такой наш мир, и им приходится выживать в этом мире так, как они умеют. И большой вопрос, кто честнее: они или те, кто готов их осудить.

И сразу скажу, что эта история очень простая, наивная и непритязательная. Я не писал что-то гениальное, что-то драматичное, что-то высокое. Это просто весёлая, сатиричная история с

явными элементами действительности.

Я не ретроград. И в театре, и в искусстве в целом должен присутствовать эксперимент. Без этого нельзя — только в этом развитие. Но когда суть театра, искусства подменяется погоней за безумными эффектами, теряется само назначение искусства и театра. Театр — это слова, мысли, чувства, душа, глаза. Когда всё в театре делается только с одной целью — поразить, шокировать, то это уже — балаган. Театр же должен воспитывать, развивать человека и давать ему отдушину. Современный же театр, на мой взгляд, превратился в некий эффектный междусобойчик, который существует только для тех, кто в него вошёл.

И мне очень жаль, что многие губернаторы в России, в угоду своим узким целям, разрушают театры со своими традициями и историей, превращая их в балаганы. И город Ковск — не единственный пример, хотя и яркий. Конечно, Ковск — вымышленный город. Хотя, если задуматься, нетрудно найти прототипы этого города.